

Александр Дмитриевич Прозоров
Кровь ворона
Серия «Ведун», книга 8

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127672

Кровь ворона: Лениздат; Санкт-Петербург; 2005

ISBN 5-289-02155-8

Аннотация

Возле реки Смородины, разделяющей Навь и Явь, у Калинова моста, с берега на берег переброшенного, вся земля костями и черепами человеческими усыпана. Нет здесь прохода ни простому смертному, ни властному князю, испепеляет заколдованная земля и человека, и самый дух русский. Да только что делать Олегу Середину, если именно сюда, по воле судьбы, лежит его путь?

Содержание

Чернава	4
Рязань	87
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Александр Проzorov

КРОВЬ ВОРОНА

Чернава

После долгой холодной зимы весенний воздух казался теплым, как на средиземноморском курорте, солнце жалило, будто в африканской саванне, и даже сохранившиеся в тени кустарников темные снежные сугробы и медлительно плывущие по реке голубоватые льдины не могли испортить ощущение стремительно надвигающегося лета. Потому и сидел Олег Середин на облучке телеги в одной красной шелковой рубахе, без какого-либо налатника или поддоспешника, родная косуха из далекого двадцатого века ныне валялась в возке, поверх ковров и войлочного покрытия юрты, а сабля не болталась, как обычно, на поясе, а покоилась рядом, под левой рукой. Дорога шла вдоль не особо извилистого Олыма, иногда ухаясь куда-то вниз, на дно очередного, тянущегося к реке, оврага, иногда взбираясь на пологие холмы, петляя меж вековых дубов или пробивая густые заросли лещины. Когда возки попадали в тень, становилось зябко, но едва короткий обоз из двух телег выкатывался на открытое место – солнце немедленно, сторицей возвращало тепло и одинокому путнику, и его верным скакунам.

Самым забавным для Олега было наблюдать, как мимо, вниз по течению, проплывают льдины со следами подков, темными овечьими катышками, с обглоданными костями. Очень может быть – костями, обглоданными и выброшенными им самим всего четыре месяца назад, во время похода на половцев. Этакая машина времени получалась: река заставляла его встретиться с собственным прошлым, пусть и опосредованно, через следы привалов, кровавые пятна от перевязок, черепа баранов, отдавших свои жизни во имя наполнения желудков немногочисленной, но удачливой армии.

– Да, армия удачливая, но только воевода голым остался, – горько усмехнулся ведун.

Зимний поход на половцев, повадившихся разорять порубежные деревеньки, не принес ему ничего, кроме разора. На снаряжение рати он вывернул все карманы, оставшись с жалкой горстью серебра, – а добычу пришлось отдать мертвому деревенскому мельнику, который и ушел с нею за реку Смородину, по Калинову мосту. И единственное, что осталось воеводе от славной победы, – так это трофейный половецкий шатер, который едва помещался на двух повозках, да осознание честно исполненного долга, которое, как известно, на хлеб не намажешь.

– Боги изволят шутить, – вздохнул Середин. – Мало я старался для их блага и защиты их земной вотчины – так нет, вогнали в отместку в нищету и разор, обобрали как липку. И где, спрашивается, справедливость? А, Белбог? За что рас-

чехвостила меня, как индюка недощипанного? Вот и верь вам после этого, покровители, электрическая сила, небесные...

Он причмокнул, тряхнул вожжами, побуждая гнедую бежать чуть веселее. Чалый мерин, впряженный во вторую телегу и привязанный за вожжи к заднику первой, возмущенно заржал, не желая ускорять шаг. Оно и понятно, кони-то – верховые, скакуны. А он их – в оглобли. Да куда денешься? Других лошадей нет, при разделе добычи не досталось.

– Справедливость, ква... – раздраженно сплюнул Олег. – Еще поди продай эту несчастную юрту. Кому она нужна на Руси? Разве купец какой на юг плыть будет... Так ведь у них, людей торговых, и своего товара в достатке. В лучшем случае за половину цены возьмет. А то и за треть, дабы в барыше остаться. А скорее, вообще раз в десять цены сбить попытается. И ведь не откажешься. Войлок-то жевать на ужин не станешь, и за постоянный двор стойками для стены не рассчитаешься...

Гнедая тревожно заржала, словно соглашаясь с мнением хозяина. Середин усмехнулся и отпустил волоки, предоставляя лошади трусить с той скоростью, с какой ей хочется: в самом деле, чего гнать, куда спешить? Приедет он в Рязань днем раньше или днем позже – какая разница? Даже лишняя неделя пути всё равно ничего не изменит – никуда город не денется. Успеет он его осмотреть и дальше двинуться – куда глаза глядят. И даже месяц ничего не изменит в его судьбе. Припасов с собой взято в избытке, дел насущных пока

не видно... Ведун зажмурился, подставляя лицо ласковому солнышку, и продекламировал, безбожно перевирая Некрасова из школьного курса литературы:

Весна! Крестьянин торжествует,
Его лошадка что-то чует,
Идет-бредет куда-нибудь,
На дровнях обновляя путь...

К сумеркам чуток подморозило. Впрочем, когда на телеге в чересседельной сумке лежит свернутая медвежья шкура – холод не кажется чем-то сильно неприятным. Лошадкам досталось по торбе с овсом, путнику – копченая половина курицы. Очертив заговоренным порошком из растертой сушеной полыни и соли с перцем защитную черту вокруг стоянки, Середин спокойно заснул и глаз не разомкнул до тех пор, пока их не коснулись лучи утреннего солнца. Легкий завтрак из квашеной капусты с холодной тушеной бараниной – и обоз снова двинулся в путь.

Казалось, мир замкнулся в кольцо: день не отличался от дня, ночь от ночи. Дорога петляла через холмы к низинам, от низин к холмам, от березовых рощ к сосновым борам, от боров – к дубравам, потом опять к рощам. Мерно шелестела прибрежной осокой река, неспешно уплывали к далеким морям льдины, теперь уже несущие на себе клочья вмерзшей травы, прошлогоднюю листву; а на одном осколке ведун заметил несчастную мышь, которая неведомо как попала в

ловушку и теперь тоскливо созерцала проползающие мимо берега. Не менялось ничего – и даже тянущаяся навстречу теплу молодая зеленая травка, казалось, день ото дня почти не отрастала.

Вечером Олег наткнулся на подготовленную стоянку: широкая прогалина, окруженная светлым березняком, пологий спуск к воде, два застарелых кострища, обложенных валунами. Даже небольшая поленница дров сохранилась, но оказалась влажной – видимо, зимовала под снегом. Впрочем, особых проблем с топливом в лесу не было. Пройдясь с топориком по ельнику за холмом, Середин быстро нарубил нижних сухих веток, из которых и сложил костер. Сварил пшеничную кашу с остатками тушенки из крынки, развел в горячем кипятке немного меда, подсыпал брусничного листа. Не чай, конечно, с сахаром, и уж тем более не сбитень – но пить можно. Поароматнее сыта, коим на Руси всякое застолье завершать принято.

Немного питья вместе с еще оставшимся белым хлебом отнес он к низким зарослям рябины – берегине здешней, дабы за беспокойство не сердилась и покой ночной берегла.

И она явилась: стройная, обнаженная, с длинными волосами. Присела рядом, вглядываясь в лицо завернувшегося в медвежью шкуру гостя. Протянула руку, пригладила ведуну волосы, еле слышно шепнула:

– Ближнее селение ниже по реке... Полтора дня пути осталось...

Середин, будучи уже в полудреме, в ответ только улыбнулся и погрузился в теплую ночную негу...

* * *

– Электрическая сила! – невольно вырвалось у Олега, когда он почувствовал на себе мокрые штаны.

Первые мысли при подобном пробуждении оказались, естественно, не самыми приличными, но когда Середин понял, что стремительно намокают не только штаны, но и все ноги, вплоть до босых ступней, а также рубашка, медвежья шкура, он сообразил: обвинять собственное естество не стоит. Что-то случилось с окружающим миром. Продираясь из сладкого глубокого сна к реальности, он откинул края своей немудреной постели, выпрямился, непроизвольно прихватив саблю, по очереди тряхнул ногами, неожиданно оказавшимися в глубокой и неприятно холодной луже.

– Ква... – оглядываясь, покачал он головой. – Сотворить такое я явно не мог...

Березки вокруг поляны, рябинник, скрывавший берегину, дорога и уж тем более – срез берега были щедро залиты водой, в которой красочно отражалась полная полуночная луна. Похоже, случилось то, что каждый год извечно случается в русских землях совершенно неожиданно, то, о чем он в своих печалях и думать забыл, то, что свидетельствует об окончательной победе весны над зимней стужей: половодье!

– Вот... Не вовремя-то как, – скрипнув зубами, сплюнул ведун, шаря глазами по сторонам и одновременно выхватывая из воды и перекидывая на повозки вещи.

Над стоянкой возвышался холм, за который он бегал вчера в ельник. Можно забраться наверх, но... Паводок может длиться неделю, а то и две. Сам-то Олег, конечно, столько протянет. Но вот что всё это время лошади жрать станут. Овса надолго не хватит – даже если забыть, что от такой пищи, если ее не разнообразить, колики у скакунов случаются, – травы на взгорке нет, не выросла еще. Да и вообще: две недели на небольшом холмике, в окружении воды...

– Дед Мазай и зайцы, электрическая сила, – снова сплюнул ведун. – Вода ведь и на два метра подняться может, и на три. А то и поболее... С холма ни пешему, ни конному хода не будет. И дров не хватит, и плот рубить из сырого дерева глупо. Тяжелый... Не управиться с ним одному. Да и долго. От реки в лес убежать – только ноги в незнакомом месте переломаешь. И телеги всё едино не пройдут. Че делать-то?

И тут он вспомнил услышанные перед сном слова берегини: «Полтора дня пути до ближнего селения...»

– Вот, значит, она о чем... – Он по очереди вынул из воды ноги, засучил штанины, ибо уровень воды дошел уже чуть не до середины колена. – Ишь, как поднимается. Не иначе зажор недалеко. Эх, залетные, опять на вас вся надежда...

Олег подбежал к лошадям, по очереди завел их в оглобли повозок, прыгнул на облучок передней, тряхнул вожжами:

– Пошла, родимая! Выручай, не то вместе, как зайцы, пропадать будем. Гони!

Гнедая, которой и самой не нравилось месить копытами воду, довольно резво перешла на рысь, и возки, распуская колесами волны, помчались по тракту, более или менее угадываемому между деревьями и кустарником. Когда метров через сто дорога выбралась на холм, Середин облегченно вздохнул, отпустил вожжи, надеясь на благоразумие лошади, намотал на продрогшие до костей ступни сухие полотняные портянки, натянул сапоги. Стало немного легче – хотя подмокший бок и студил тело. Но переодеваться полностью Олег не рискнул – недолго ведь и в ловушке оказаться. В доброго деда Мазая или его последователей здесь, в диких чащобах, верилось с трудом.

– И понесла же меня нелегкая по первому теплу... – Дорога ухнула вниз, телеги врезались в воду чуть не по самые ступицы, но лошади не подвели, протащили груз через заводь чуть не трехсотметровой ширины, поднялись на новый холм. Отсюда, с высоты, перед ведуном открылось обширное поле битого льда, поверх которого струилась прозрачная вода, неся на себе всё новые льдины – которые застревали, поднимая стихийную плотину всё выше и выше. Это и был зажор – с холма дорога спустилась уже не в глубокую воду, а в череду незначительных луж. Однако это не значило, что опасность миновала. Половодье – везде половодье, а потому вода всё равно будет подниматься, хотя и медленнее. К то-

му же плотина как возникла, так может и прорваться. И что тогда ждет одинокого путника, оказавшегося ниже по течению...

– Давай, давай, родимая! – опять тряхнул вожжами Олег. – Первый же поворот от реки наш будет! Ты только до него добеги...

Но час проходил за часом, небо просветлело, на него вышло радостное теплое солнце, а отворотов от приречного тракта всё не встречалось. Спасая порядком запыхавшихся коней, Середин перевел их на шаг, хотя и здесь, за забором, всё чаще и чаще протяженные участки дороги оказывались покрыты водой. Спасибо хоть, утоптаные и не до конца оттаявшие колеи пока не размокли – но ведь и это дело времени. А потому Олег никаких остановок и роздыхов ни себе, ни лошадям не позволял. Разве только на сухих участках спрыгивал с облучка и шел рядом – всё меньше гнедой тащить. И ни разу даже не закинул в рот жесткого, как подошва, вяленого мяса – из солидарности.

Около полудня ведун миновал еще одну стоянку – над кострищами перекачивалась вода в две ладони глубиной, аккуратно попиленные поленья плавали дружной стайкой, у спуска к воде колыхалась охалка прошлогодней травы. Правда, до дороги растекающаяся река еще не добралась, но оставалось ей для подобного броска всего ничего.

– Н-но, моя хорошая, – опять тряхнул вожжами Олег, подгоняя гнедую. – Потом отдохнешь, как место безопасное

найдем.

У него уже начал появляться соблазн рискнуть и в самом деле повернуть в лес, пока его не залило. Авось, удастся до сухого места добраться... Но как угадать, далеко ли половодье в здешних местах достаёт? Оно ведь может и на пару километров всё залить. Поди проберись так далеко с телегами и лошадьми! А ну, бурелом встретится? Тогда придется не только возки, но и скакунов на верную гибель бросать.

Как назло, дорога ухнула вниз, в воде закружили глинистые вихри, поплыла черная гнилая листва, колеса гулко загрохотали по чему-то жесткому. То ли каменистая россыпь встретилась, то ли бревенчатый мосток через ручей. Повезло, стало быть. А ежели овраг глубокий поперек пути попадет? Туда ведь и по горло можно влететь, если не с головой.

Впрочем, выбора у одинокого путника всё равно не оставалось, и он снова припустил лошадей. Очень скоро впадина осталась позади, тракт забрался на высокий холм, поросший мшистыми корабельными соснами в три обхвата толщиной, обогнул невесть откуда взявшийся посреди бора могучий дуб и начал спускаться вниз. Внезапно впереди оказался густой молодой осинник, за которым лес и вовсе оборвался. Впереди, насколько хватало глаз, открывался простор. Бескрайний водный простор, в иной ситуации показавшийся бы красивым и романтичным: этакое море со множеством лесистых островков, с ровными линейками торчащих прямо из воды кустарников, с одинокими могучими вязами,

там и сям стремящимися к небесам. Просто водный мир какой-то, в котором даже за дровами нужно плыть на лодке, а лес валить придется, свесив ноги за борт.

– Ква... – выдохнул Олег, натягивая вожжи. – Такое водохранилище зажором уже не объяснить. Тут что-то глобальное творится. Чего делать станем, подруга?

Отзывчивая гнедая заржала – но как-то неопределенно, без четко выраженной позиции.

– Есть два варианта, – предложил Середин. – Первый: это попытаться поставить юрту, заготовить дрова, лечь кверху брюхом и переждать денечков ...дцать, пока весь этот кошмар схлынет. А вы пока осиновые ветки пожуете, травку куцую пощипаете. Второй: попытаться добраться во-он до тех холмиков и задаться тем же самым вопросом уже там.

Кобыла возмущенно фыркнула.

– Сам понимаю, что дороги под водой не видно, – согласился Олег. – Да только юрту ставить тоже лениво. Ни разу в жизни этим делом не занимался. Боюсь, только перепутаю всё, а собрать не смогу. А за холмами, глядишь, чего интересное найдется...

Гнедая опять фыркнула и несколько раз переступила с ноги на ногу. Сзади заржал чалый.

– Да ну вас, – спрыгнул с облучка на землю ведун. – Видите – прямые линии из кустарника? Дикае ивняки так не растут. Наверняка, это межи между наделами. Поля это чьи-то, стало быть. А коли поля здесь, то и хозяева их неподалеку

живут. И вообще, кто в доме хозяин – я или кошка?

На сей раз лошади промолчали. Олег оценил их скромность, вздохнул и принялся стягивать сапоги, штаны. Затем взял гнедую под уздцы и тронулся вперед. Лошадям ведь всё равно, куда копытами своими стучать. А здесь, в чистом поле, где никакие деревья или кусты колею не ограничивают, есть только один способ дорогу нащупать: ножками. Так и побрели они через паводковое «море»: Середин, по колено в ледяной воде, двигался первым, тщательно выискивая путь. Обоз – следом.

До холма добирались часа три, и когда дорога выползла-таки на холм, ведун уже совершенно не чувствовал ног. Олег немного поплясал на месте, разгоняя кровь, потом растер ступни, оделся. Дальше, по забирающемуся на взгорок тракту, пошел рядом с телегой – однако ноги всё равно продолжали мерзнуть, словно он так и не выбрался из ледяного весеннего половодья.

– Ну, если окажется, что зря...

И тут через редкий березняк впереди открылись острые кончики совсем близкого частокола, пахло дымом, послышалось недовольное коровье мычание, прерываемое оглушительным собачьим лаем: впереди находилось человеческое жильё!

Тын, верх которого углядел с холма ведун, был вкопан не в землю, а шел поверх земляного вала метров пяти высотой, так что все укрепление достигало высоты трехэтажного до-

ма. Против крупной рати с осадными приспособлениями за подобной стеной, само собой, долго не отсидишься, но мелким степным шайкам в две-три сотни воинов или судовой рати, что плавают на торговых ладьях, защищая товары, а заодно присматривая себе беззащитную добычу, такой орешек явно не по зубам. Особенно, если защитников на стенах хватает. Хорошо местный люд обосновался, прочно. Впрочем, на берегу реки иначе и нельзя. Люд всякий по водным путям плавает. Только зазевайся – обязательно двуногий хищник по твою душу найдется. По форме селение напоминало большой равносторонний треугольник с невысокими, крытыми тесом, площадками на каждом углу; ворота располагались справа, над крутым обрывом, возвышающимся над Олымом, что уже поглотил в своем течении все причалы и помосты, которые, надо полагать, стояли на берегу. Не могло же селение у реки вовсе не иметь никаких причалов?

Вскользь оценив крепость деревеньки, Середин покатиł вниз, миновал влажный распадок, не затопленный еще, однако, половодьем, медленно проехал под стенами, стараясь не смотреть вверх – туда, откуда, окажись он врагом, сейчас наверняка бы сыпались валуны, бревна, летели стрелы и лилась кипящая смола. Возле ворот ведун придержал лошадей, посмотрел на пухлого полуобнаженного старичка, что дремал на солнышке, привалясь спиной к теплой воротине. Пожал плечами: ну, коли стражи нет, то и вход, стало быть, бесплатный, – и въехал в селение.

Изнутри деревня показалась уже не столь прочной крепостью, как снаружи. Вдоль улицы тянулись жердяные заборы, огораживая обширные дворы. Во многих строениях отсутствие трубы выдавало сараи, а дома, добротные пятистенки, стояли довольно далеко один от другого, метрах в пятидесяти. В общем, рыхлая застройка, неплотная. Дворов сорок всего, может, чуть больше. А значит, и жителей немного. На стены, самое большее, сотни полторы выйти сможет. Не считая баб и детей, естественно...

– Эй, красавица! – натянул поводья Олег, углядев впереди девицу в душегрейке поверх простенького полотняного платья, в белом платке с вышитым синей нитью краем и с коромыслом на плече. – Пожалей путника, дай воды колодезной напиться!

Курносая туземка остановилась, окинула его васильковым взглядом, осторожно опустила коромысло на землю, освободила от крючка одну из бадеек:

– Отчего же. Хорошему человеку воды не жалко. Пей.

– Благодарю, красавица... – Ведун поднял деревянное ведро, поднес ко рту, сделал несколько глотков обжигающе-ледяной воды, куда больше пролив себе на плечи. А попробуй попей нормально из широкой емкости почти в пуд весом, да еще с толщиной стенок не меньше сантиметра! Подходящей пастью создатель разве что бегемота наградил. Олег опустил ведро, отер губы. – Спасибо тебе, красна девица, спасла от жажды. Да еще с полными ведрами навстречу

попалась. Стало быть, удача меня сегодня должна подстерегать. Не подскажешь, торг у вас где будет?

– Какой ныне торг, мил человек? – пожалала плечами девушка. – Он, как реки-то разлились. Ни купцам, ни покупателям хода нет. Вот и пустует площадь. Нет никого.

– Реки? – наострил уши Олег. – А их у вас много?

– За воротами Олым разлился, – зацепила красотка ведро крючком коромысла, – а по другую сторону Сосна плещется.

– Так вот отчего всё так залило! – понял Середин. – У вас тут сразу две реки разлились. И обе отнюдь не ручейки... Кстати, а как селение ваше зовется?

– Чернавой прародители нарекли... – Девушка поднатужилась, закинула коромысло обратно на плечо. – Сказывали, от шелковицы всё округ черно было, как первый сруб ставили. С тех пор черными и зовемся.

– Постой еще секунду! – попросил Олег. – Подскажи, а постоянный двор у вас тут есть?

– Есть, отчего не быть, – попыталась пожать плечами голубоглазая туземка, но смогла шевельнуть только одним. – Токмо закрыт он ныне, да и подтоплен, вестимо. За стенами, у Сосны стоит. Ныне ведь половодье, путников, почитай, нет. От Манрозий Горбатый дома и отдыхает, пока по двору волны гуляют.

– Да, среди воды мне и самому ночевать неохота, – поморщился ведун. – Может, еще у кого на постой встать можно? Я бы заплатил... Может, у тебя приют найдется, красавица?

Серебра отсыплю, сколько скажете.

– Нет! – неожиданно грубо вскинулась девушка и даже отступила на пару шагов. – Откель ты тут вообще взялся, в разлив-то самый?

– Ну, нет так нет, – хмыкнул Середин, несколько обиженный подобной отповедью. – Была бы честь предложена. А более отзывчивых хозяев у вас в деревне нет?

– Хочешь, ступай прямо до самой стены, да вдоль нее до второго двора, с чуром на воротах. Там Севар Шорник живет. У него дочь средняя на выданье. Может, он примет. Ему ныне серебро в самый раз придется. Приданое ведь давать понадобится, а еще и своих младших кормить надобно.

– И на том спасибо, красавица. Удачи тебе, и мужа хорошего... – Олег забрался на облучок телеги и потрянул вожжами. – Поехали, родная. Будут тебе скоро и отдых, и ясли с ячменем.

Найти нужный двор особого труда не составило. Земляную стену Чернавы Середин, и захотел бы, не миновал. Вдоль вала шел узкий проезд, как раз в телегу шириной; ворота, на левом столбе которых красовалась умело вырезанная, черная, как негр, личина с большими усами и бритым подбородком, трудно было перепутать с любыми другими. Похоже, от гнили деревяшку щедро пропитали дегтем и теперь мавр с запорожскими усами стал почти вечным.

Спешившись, ведун громко постучал в ворота и, отойдя обратно к телеге, привалился к боковине возка. Спустился па-

ру минут во дворе послышались шаги, воротина чуть приоткрылась, и наружу выглянула женщина лет сорока в потрепанном сарафане, еще сохранившем праздничную вышивку – но нитки от времени поблекли, и теперь розы, травы и птицы еле угадывались на фоне материи.

– Мир этому дому, – поклонился ей Середин. – Севар Шорник здесь живет?

– Здесь, – вышла со двора женщина. – Чего тебе надобно, чужеземец? Купить чего в дорогу али шкуры продать желаешь?

– Олегом меня зовут, – решил для начала представиться ведун. – Добрые люди подсказали, ночлега у вас можно спросить. Не милости ради, хозяйка. Серебром расплачусь сполна. Половодье меня в пути застало, под крышей хотел бы переждать, а не в лесу, как пес бездомный.

– Серебром? – переспросила женщина. – Настоящим, али на золото или меха пересчитать думаешь?

– Чешуи новгородской у меня маленько есть, – пожал плечами Середин. – Хотя, коли желаете, золотых монет тоже пара имеется. Да только дороговато золотом-то за пару недель ночлега платить. Даже если в дорогу снарядите по чести и кормить одними гусями всё время станете. Сдачи просить буду.

Хозяйка промолчала, поправляя выбившуюся из-под платка прядь русых волос. Карие глаза смотрели даже не на гостя, а куда-то через плечо ведуна. Со щек медленно сходил

румянец.

– Пусто отчего-то у вас в деревне ныне, – разорвал затянувшуюся тишину Олег. – Никого на улицах не видать. Прямо... сенокос, что ли?

– Ставень у распадка мужи разворачивают, – спокойно ответила женщина. – Паводок ведь. Как вода сходить станет, изрядно рыбы за ставнем застрянет. Пировать станем, рыбным днем лето встречать.

– Это здорово, – согласился Середин. – Если повезет, может, и я праздник увижу.

Туземка опять надолго замолчала. Ведун прокашлялся:

– Так чего, хозяйка, возьмете на постой? Мне ведь много места не надобно. И ем не за троих, сильно не обременю. Да и заплачу сполна, уговоримся.

В воздухе опять повисла тишина. Олег, которому всё это начало надоедать, уже собрался было ехать дальше, стучать к соседям местного кожевенника, как хозяйка вдруг отступила, слегка поклонилась:

– Отчего же, заезжай. Токмо, не обессудь, с поклажей и лошадьми помочь некому. Сам уж распряги, да под навес поставь. Там и вода в бочке есть...

Она приподняла воротину, отвела ее в глубь двора. Потом точно так же отворила вторую. И... ушла в избу.

– Странно тут, однако, гостей привечают, – покачал головой ведун, взял гнедую под уздцы, повел во двор.

Телеги свои он поставил у самой ограды, выпряг лошадей,

завел под навес, на вымощенный тонкими сосенками пол. Тут, по всей видимости, был сеновал – но к весне от припасов осталась только невысокая желтая кипа у дальней стены. Зато хозяин успел сделать две загородки. То ли складывать чего удумал, то ли скотину прикупить. Как раз в загородку Олег и завел скакунов. Подобрал стоявшую возле пахнущего влажным теплом хлева бадейку, зачерпнул воды из кадки, отнес коням. Пока он с местом определялся, они давно успели отдышаться, так что не запарятся. Потом кинул им две охапки сена – овсом в дороге наелись, пусть отдохнут от зерна немного.

Внезапно он ощутил на себе чужой недобрый взгляд. Остановился, медленно повернулся к дому. На крыльце, вперившись в него исподлобья, стояла в накинутах поперх полотняной рубахи тулупе девушка лет двадцати, чем-то похожая на хозяйку: те же круглое лицо и острый нос, те же русые волосы – правда, сплетенные в длинную косу. Платок накинута небрежно, только на затылок. Ни «здрате», ни «помочь чем?», ни познакомиться... Странные тут люди, однако...

Пожалуй, если бы ведун не успел распрячь коней, он бы сейчас и вправду развернулся да поехал искать приют на другой край деревни. Но теперь собираться было лень, и Олег улыбнулся девушке как можно дружелюбнее:

– Красавица, корец не вынесешь доброму гостю? А то пить я не меньше лошадей хочу, да из бочки скотной как-то неприятно.

– Воды токмо дать могу... – буркнула себе под нос девица.

– Да я и воде рад буду... – Улыбка сама собой сползла у Олега с губ. – Могу и сам зачерпнуть, коли в тягость.

– Я принесу... – Девушка ушла в дом и почти сразу вернулась, неся в одной руке деревянное ведро, в другой ковш. Бадью поставила на землю, ковш пустила плавать по воде, сама отступила в сторону: – Пей.

Середин от такого обращения начал злиться, но пока еще держал себя в руках. Всё-таки в чужой монастырь со своим уставом не лезут. Русь огромна, в разных ее концах разные обычаи. Кто знает, может, и он сейчас по местным меркам нечто неприличное творит. Потому ведун просто зачерпнул из ведра полный корец, поднес к губам... Вода опять оказалась ледяной, колодезной, пробивающей холодом до самых костей. Олега начал бить озноб, и он понял, что всё еще не согрелся после перехода через залитые паводком поля. А без хорошей бани наверняка не сможет отогреться вообще. Между тем дело двигалось к концу дня. Еще немного – и баню топить будет вовсе поздно. До полуночи не успеют – а мыться вместе с нежитью ведуну не улыбалось.

Он кинул ковш обратно в ведро, пошел к повозке, разматал узел чересседельной сумки, нащупал бобровый налатник, вытянул, набросил на плечи. Засунул руку поглубже, выискивая меховые штаны, и тут... Створка ворот приоткрылась, внутрь просочилась хозяйка – а он и не заметил, как она ушла! Следом ступил чернобородый мужик в синем

суконном зипуне с топором в руках, за ним еще один, в рубахе с мокрыми рукавами и меховой душегрейке, и тоже с топором. Потом появился рыжебородый и рыжеволосый крепыш со сломанным носом, сжимающий вилы с деревянными, но остро наточенными зубьями. Мужик в лисьей остроконечной шапке с косой. Потом еще, еще, еще...

– Вот те, бабушка, и Юрьев день. – Ведун ощутил меж лопаток неприятный холодок, а потому оставил в покое сумку и перешел к передку телеги, положил ладонь на рукоять сабли. Опясываться оружием при враждебно настроенной толпе он не рискнул. – Интересно, чью мозоль я отдал на этот раз?

Между тем толпа мужиков с косами, вилами, топорами увеличилась до трех десятков человек. Чернобородый в зипуне, поигрывая своим плотницким инструментом, нарочито небрежно поинтересовался:

– Ты из чьих будешь, мил человек?

– Из новгородских земель пришел, – изложил свою обычную легенду Середин. – Вот, езу по землям русским. Себя хочу показать, на других посмотреть.

– Стало быть, гость ты в наших местах далекий, неведомый, – опять подкинул топор чернобородый. – Никто тебя не знает, никто за имя твое поручиться не может. Как же ты с Новгорода Великого к нам в Чернаву аккурат в половодье забрести исхитрился? Когда ни по дороге залитой, ни по реке ледоходной никакого пути нет? Откель ты взялся, мил че-

ловек? С неба свалился али из-под земли вылез?

– Вдоль Олыма по дороге приехал... – Ведун всё никак не мог понять, почему мужики заявили с подручным инструментом, почему никто из них не сбегал за мечом, копьем. Ведь наверняка в каждом дворе оружие есть, как же без него? И время у деревенских имелось, не запыханные они, сломя голову не бежали. – Последние версты во весь опор гнать пришлось. Просто чудом от воды убежал.

– Убежал, сказываешь? А может, она тебя как раз и принесла?

– Я что, бревно, что ли, чтобы меня по воде приносило? – Местные нападать явно не торопились, а потому Середин руку с сабли пока убрал.

– Тогда скажи, мил человек, откуда ты мог приехать по Олыму-то? Вестимо, селений на нем окрест нет ни единого. И не стояло никогда!

– Как это не стояло?! – возмутился Середин. – А Кшень? А Сурава? Я с Суравы как раз и еду. Зима меня там застала, задержался.

– С Суравой ты промахнулся, чужеземец, – засмеялся бородач. – Гости мы там редкие, но бываем. И они нас навещают по-родственному. У меня там свояков двое. У Сбыслава, вон, сестра замужем. Тебе ведомо хоть, кто там за старосту считается?

– Зимой Захар был, – пожал плечами Олег. – А кто ранее, и впрямь не знаю.

– И вправду Захар, – удивился мужик. – Он ведь свояк мой, не сказывал? Промыслом меня кличут.

– Постой... – опустив вилы, подошел ближе рыжий со сломанным носом. – А Людмилы моей ты там не видел? Белян у нее еще в мужьях...

– Видел, – кивнул Середин. – Живет. Красивая. Детей трое, все здоровы пять дней назад были. Одинец с кузней управляется, так что не голодают, кормилец есть.

– Отчего Одинец? – насторожился Сбыслав. – А Белян где?

– Утонул он, – развел руками Олег. – Год назад еще. – Подробнее про свои отношения с Людмилой и о причине смерти ее мужа он распространяться не хотел.

– А в Селезнях ты не бывал? – подступили мужики слева. – Чернава там наша замужем. Одна с таким именем. О прошлом годе трое детей у нее росло.

– Нет больше Селезней. Половцы прошлым летом сожгли. За то мы зимой в отместку их кочевье разорили дочиста. Видите, юрта на возках? Это как раз моя доля в добыче. В Кшене ее продать некому, мы ведь их больше десятка захватили. Вот в Рязань и везу. Да как-то забыл про половодье, прямо во сне меня прихватило.

– Это что! – отозвались слева. – Три года тому наших аж пятеро с лошадьми и дровами на черном холме водой отрезало. Два дня сидели, пока жены лодки догадались пригнать.

– Ужели с Селезней никто не уцелел? – пытались перебить

рассказчиков мужики. – Может, ты видел ее? Родинка у нее еще здесь, над бровью...

– А назад ты поедешь, мил человек? – одновременно с ними спрашивал Сбыслав. – Может, гостинец передашь?

Отчуждение пропало, будто и не бывало никогда. Чернавчане обступили гостя, оживленно расспрашивая его про каких-то родственников и знакомцев, что-то рассказывали, вспоминали. Ответить сразу всем ведун не мог – но мужики вели себя так, словно он с каждым разговаривает, и каждого слушает, понимает. Между тем, едва напряжение спало, Олег снова почувствовал озноб и думал сейчас только об одном: о жарко натопленной парилке с широким полком. Нынешняя сумасшедшая спешка даром не прошла – после бессонной-то ночи, да в мокрой одежде, да потом еще несколько часов по колено в воде, и всё на голодный желудок... Тут уже просто горячим сбитнем не обойдешься. Прогреться надобно на совесть, снаружи и изнутри.

– Извини, зря побеспокоили, Радша. Свой он оказался, с Суравы заявился...

Во двор, прихрамывая, вошел сгорбленный старик с совершенно голой головой – даже бровей и ресниц не росло.левой рукой он опирался на посох, на верхушке которого болтался небольшой березовый туесок, пальцы правой постукивали камушками, собранными на тонкий ремешок подобно четкам. Облачен он был в толстую шерстяную накидку крупной вязки. Будь она надета на голое тело – ее можно

было бы назвать власяницей, но на горле и в рукавах у Радши поблескивал тонкий шелк дорогой исподней рубахи.

– Зря, не зря, – склонив голову набок, пробормотал старик, – однако же сторожка не повредит... Откель бредешь, чего ищешь, мил человек?

– Олегом меня мать нарекла. Из Новгорода я, Радша, – потер тряпицу на запястье ведун. Примотанный к коже серебряный крест стремительно нагревался, показывая скрытую в старике немалую магическую силу. Похоже, мужики позвали взглянуть на странного гостя местного волхва. – Мир захотел посмотреть, себя показать. Вот и скитаюсь по свету. Где помочь кому надобно, помогаю. Где мне тяжело приходится – серебром за добро плачу.

– Не боишься серебро-то в руки брать? – крикнул волхв.

– Да вы что, за нежить болотную меня принимаете? – не выдержал Олег, дотянулся до косухи, дернул из кармана серебряный кистень, вытянул руку, сжимая его в кулаке: – А это тебе как?

– Сам вижу, не нежить, – спокойно ответил Радша и провел ладонью над туеском. Из множества щелей повалил сизый дым. Старик вытянул посох, окуривая гостя со всех сторон.

– Что у тебя там за отрава... – закашлялся Олег.

– Токмо полынь, да можжевательник, да слово Велесово, – покачал головой старик. – Не терпят их духи подлые да твари, Чернобогом придуманные. Вижу, заловил ты, мил че-

ловек, марьянок водяных, что в грудь забираются да душат смертного кого до муки, а кого и до смерти... Али еще какая ломота к тебе прицепилась.

Волхв отступил, дунул на туюсок, и дымление тут же оставилось.

– Нельзя тебе, гость наш, с людьми ныне в одном доме жить. Марьянки, твари подлые, с человека на человека быстро бегают. Севар, твой двор?

– Мой, Радша, – выступил вперед один из мужиков. Как раз тот, что входил за Премыслом, в рубахе с мокрыми рукавами и короткой всклокоченной бородой.

– Баню свою истопи, в нее гостя покамест поселишь. Пока марьянок не изведем, со двора не выпускай. Завтра приду, посмотрю, каков будет.

– Так ведь вечер скоро, волхв!

– Сам вижу. Свечу жировую принесу отговоренную. Не сунется нынче нежить в баню, не боись.

– И-эх, – крикнул мужик и двинулся к дому. Хозяйка побежала следом, что-то тихо приговаривая.

Прочие деревенские наоборот, подступили ближе, с видимым изумлением рассматривая подвешенный на стальной тросик двухсотграммовый серебряный груз с множеством острых граней.

– Никак, всю казну свою в кистень перелил? – поинтересовался Премысл.

– Жизнь дороже... – отвернув голову, опять закашлялся

ведун. – Коли нечисть на пути встретится, так саблей от нее особо не отмахнешься. А вот кистень из священного металла в самый раз приходится. Зачастую лишь покажешь – болотник али водяной враз в омут свой прячутся.

– И часто встречался? – поинтересовались из толпы.

– Приходилось, – кивнул Середин и, пользуясь случаем, перешел к рекламе: – Я ведь, большей частью, тем на жизнь и промышляю. Где рохлю из дома сведу, где волкодлака в лесу поймаю, где мавку или криксу изведу. Глядишь, селяне и на стол накроют, и в дорогу припасов соберут, а где и серебра отсыпят, коли тварь опасной окажется.

– То-то тебя самого марьянки оседлали, – презрительно хмыкнул кто-то из мужиков и стал пробираться к воротам. – А ведь туда же, ведуном прикидывается. И ведь имя какое выбрал – Олегом назвался! Видать, под Олега-ведуна прикидывается. Кистенем серебряным хвалится. Тьфу!

Еще несколько человек двинулись за ним.

– Знатно, знатно, – покачал головой Сбыслав. – И в лоб дать сподручно, и казна на черный день всегда под рукой. Ну, ты это, ломоту свою гони. А коли назад в Сураву сберешься, меня кликни. Кузница моя у Мокрого угла, всякий покажет.

– Ты прости, что за человека зараз не признали, – запахнув зипун, чуть поклонился Премысл. – Сам видишь, полководье кругом. Зело чудно, коли по воде путник на телегах является.

– Так в том и дело! – попытался оправдаться ведун. – По-

что сутки ноги в холодной воде, вот и простыл...

Он опять закашлялся.

– Ты не бойсь, волхв у нас мудрый. И от нежити оборонит, и с ломотой любой справится. – Бородач тоже направился к воротам, увлекая за собой прочих деревенских.

Поняв, что для здешних обитателей он опозорен окончательно и бесповоротно, и никаких заказов и просьб к нему не будет, Олег пожал плечами:

– Вот и думай. То ли гордиться, что имя мое в каждой захудалой деревушке известно, то ли обижаться, что признавать ведуном не хотят... – Он отвернулся к телеге и туго затянул узел сумки. Если хозяева баню обещают, то там и отогреться, можно и без меховых штанов немного потерпеть.

– Ушли наконец... – На дворе опять показался хозяин в покрытой черными пятнами рубахе, опоясанной широким, в полторы ладони, ремнем, с разлохмаченными, как и борода, каштановыми кудрями. Он закрыл ворота, повернулся к гостю: – Тебя, сказывал, Олегом кличут?

– Есть такое дело, – кивнул Середин.

– Баба моя молвила, ты серебро новгородское за постой сулил?

– Чешую¹ обещал, – на всякий случай уточнил ведун.

– Мы так помыслили... – Хозяин пожевал губами. – По монете за день с тебя попросим.

– За три, – покачал головой Олег. – С едой, дровами, ба-

---

¹ Чешуя – мелкая серебряная новгородская монета размером с ноготь мизинца

ней и постелью.

Монета в день – это было слишком много. На торгу осенью за три монеты возок огурцов купить можно. А по весне – по бочке квашеной капусты за деньгу.

– Кони еще у тебя. И ломоту изгонять волхв придет. А ну, в доме останется?

– Ладно, – смирился Середин. – По монете в два дня. Только как с простудой справлюсь, в дом меня примешь! Еще мне не хватает, чтобы банники ночью запарили. Волхв-волхвом, а поберечься стоит.

– Баня топится ужо, – ответил Севар. – Ну, коли сговорились, задаток клади. За пять ден, не менее. А то, может статься, и нет у тебя серебра вовсе.

Олег презрительно хмыкнул, перебросив с руки на руку тяжелый кистень, полез опять развязывать сумку:

– Три монеты дам. За шесть дней. Не перекусывать же одну пополам?

– Тюки свои под навес перебрось, – повеселел мужик, пряча серебро за пояс. – Бо дождь случиться может. Да и роса, что ни ночь, обильная выпадает. Кабы не отсырели. Пойду дров в печь подкину. К сумеркам проветрю, да можешь укладываться, коли Радша свечу принесет. Устал, небось, за день?

– Дорога – она не спрашивает, – мрачно ответил ведун, вешая сумку на плечо. – Устал ты, нет – ей без разницы. Гонит, и всё.

Тюки с запасной одеждой, дорожными припасами, посудой и кузнечным инструментом он сложил под навес, а вот оружие и чересседельную сумку с деньгами отнес в баню, кинул на пол и, закашлявшись, поскорее выскочил наружу. Банька топилась вовсю – из широкого продыха над дверью валил сизый дым.

Середин проверил коней – подбросил сена, наполнил бадейку доверху. Поговорил с гнедой, ткнувшей мордой в плечо, отер ее и чалого шкуры пучком сухой травы, подобранной возле крыльца.

Потихоньку вечерело. Сразу стало заметно, что зима, в общем-то, отступила совсем недавно: холодок стал пробираться под налатник и рубаху, изо рта вырывались клубы пара. Олег – чего уже давно не случалось – застучал зубами, опять закашлялся, плюнул на всё и пошел в баню.

В очаге под медным котлом еще горела краснотой россыпь углей, но дыма от них почти не было, и ведун решительно закрыл доской продых над дверью, развернул медвежью шкуру, расстелил на нижней полке, сел было сверху – и тут же с руганью вскочил:

– Мокрая, зар-раза!

Он вздохнул, перекинул шкуру выше, чтобы сохла, разделся и разложил сверху остальную свою одежду – тоже ведь влажная. Несмотря па раскаленную печь, голому в бане ему показалось зябко. Олег достал и натянул на ноги меховые штаны, на плечи накинул налатник. Простер руки над оча-

ГОМ.

– Никак, мерзнешь?

От неожиданности ведун чуть не подпрыгнул, как потревоженная кошка, резко развернулся, облегченно перевел дух:

– Это ты, волхв?

– Не пугайся, коли так пронимает. – Старик поставил на печь небольшой оловянный котелок. – Места здешние таковы, всякая нежить во три-десять раз сильнее, духи в сорок раз вреднее.

– С чего это?.. – собрался было расспросить ведун, но его опять задушил кашель.

– Наверх тебе надобно, в самый жар, – покачал головой волхв. – Марьянки жара не любят, убегают. И пара горячего не любят. Потерпи, пугнем их маленько.

– Дым наверху, – поморщился Олег. – Першит.

– Тебя першит, их прочь гонит...

Радша достал из рукава толстую бурую свечу, поднес к углям, запалил, повернулся к двери, дунул. Свеча погасла, но длинный тонкий дымок потянулся в угол. Волхв зажег ее снова, потушил в сторону противоположной стены, опять зажег... Только в пятый раз запалив огонек, поставил свечу на пол:

– Гляди, не опрокинь. Пока огонек тлеет, нежити сюда входа нет. И не поднимай. Задохнется в пару свеча.

– Я сильно париться не собираюсь, – ответил Середин. –

Мне бы выспаться с дороги.

– Успеешь еще бока отлежать. – Волхв кинул в котелок один из камушков, что были в очаге, плеснул из большого котла воды. Послышалось шипение, вверх поднялся столб пара. – Ты, мил человек, давай налатник свой на голову накинй, да над репой пареной жаром подыши. Духи лихоманок всяких страсть этого не любят. Может статься, и убегут. Ворожить ныне не с руки. Тяжко ночью супротив Чернобога колдовать, его время.

Вздохнув, Олег склонился над обжигающим лицо и легкие котелком. Тут же вспомнилась мама, что в детстве точно так же выгоняла из него простуду. Вот так, бегут века. То лихоманки, духи и марьянки человека донимают, то чахотка, то ОРЗ. А гонят их все одинаково: горячим паром, да накинув полотенце на голову.

– Как остынет, на камни воды плесни, да наверх забирайся, на шкуру свою, – прозвучал совсем рядом совет волхва. – А я поутру приду проведать.

Кашель ведуна действительно отпустил. Посидев под налатником минут пять, Олег выбрался, выплеснул воду из котелка на камни, достал сладкую распаренную репу, запустил в нее зубы и полез на верхний полук. Шкура, конечно, мокрая – но уже горячая, не хуже репы. Печь раскалена, что кузнечный горн. Так что замерзнуть ему до утра не грозит. Хоть и не княжеские палаты, а жить можно...

Заснул Середин чуть ли не мгновенно – сказался тяже-

лый долгий день. Но вместо отдыха он ухнулся в какую-то кроваво-красную кашу, в которой, как в бочке с вязким медом, бился до самого рассвета и пробуждение воспринял как радость. Но не надолго: при первом же движении голову пронзила резкая боль, глаза почти не открывались – похоже, опухли; грудь словно стянуло раскаленным обручем, а руки и ноги – залило неподъемным свинцом.

– Электрическая сила... – простонал ведун, пытаясь подняться, но после короткой борьбы с собственным телом решил взять передышку и немного полежать. Всё едино половодье, спешить некуда. Можно и отдохнуть.

Олег прикрыл глаза и снова заснул. А скорее – впал в беспамятство, потому как совершенно не замечал происходящего вокруг, пока не закашлялся от едкого дыма, заползающего в легкие. Он дернулся, пытаясь сесть, но бессильно свалился обратно на шкуру, захрипел.

– Ништо, ништо, – узнал он голос волхва. – Терпи, мил человек. Что тебе противно, то марьянке гибель. Молодец, Даромила, вовремя меня покликкала. Мало совсем, и сожрала бы лихоманка гостя. Зело крепко прихватило. А ныне ступай, дай с нежитью болотной словом перемолвиться...

Олег услышал, как хлопнула входная дверь, после чего Радша приблизился, и голос его прозвучал совсем рядом с Серединым:

– Сказывали, похвалялся ты, мил человек, что с нежитью всякой управиться способен? Как же ж тоды мелкую пакость

водяную в грудь свою пустил? Эх, колдуны бродячие. Много гонору у вас, да мало с вас пользы... От как исцелю, все твои штуки чародейские в уплату заберу, дабы разума боле никому не туманил.

Ведун ощутил холодное прикосновение к груди, которое почти сразу перешло в резкое жжение. В висках упруго запульсировали жилы, из легких вырвался тяжелый, словно предсмертный, хрип.

– Ли, добруха, кумоха, тетушка, гостыца, – услышал распевные слова волхва. – Пойдем со мной на чисто солнышко, за широкий стол. Молочка тебе налью, кашкой тебя покормлю. Будешь сытая, станешь веселая. Погуляти захочешь, в чистом поле цветов собрать, в речке широкой на себя посмотреть. А я тебя привечать стану, угощать стану, дом тебе большой поставлю, будешь в нем в холодке жить, воду-пиво пить, по мягким мхам кататься, над ряскою стлаться ...

Голос удалялся и удалялся, пока не прозвучал откуда-то из-за препятствия. Хлопнула дверь – и впервые вместо удушливого дыма и озноба Олег ощутил приятный дымок и пышущий от печи жар. Даже отек с глаз вроде бы спал, и он смог осмотреть помещение не через щелочку между веками, а просто раскрытыми глазами.

Разумеется, за ночь в бане не изменилось ничего: три полка на разной высоте, пара лавок вдоль стен, три шайки на полу, большой медный котел с водой над полыхающим очагом. Сизый дым, поднимаясь вверх, стлался под потолком и

неторопливо выползал в продых над дверью.

Створка приоткрылась, пропуская внутрь ту самую остроносую девицу, что вчера выносила ему из дома ведро с водой. Она присела перед очагом, поворошила палочкой угли, подбросила с пола еще несколько поленьев.

– Это ты, что ли, Даромила? – с легкой хрипотцой поинтересовался ведун. – Ты волхва позвала?

– Радша лихоманку твою со двора к реке уманил, – ответила та. – Ныне тебе легче станет.

– Спасибо тебе, красавица, – прикрыл глаза Середин.

– Меня батюшка с кашей к тебе послал. Сказывал печь затопить, коли остыла, – выпрямилась девушка. – Я и увидела, как ты в беспамятстве мечешься.

– Спасибо, – повторил Олег. – А где каша, кстати?

– Остыла, небось, уже... – Даромила подошла ближе, наклонилась и подняла откуда-то глубокую деревянную миску, до краев полную коричневатых крупинок ячки. Там же лежали и три ровных кубика мяса с тонкими прожилками.

– Ничего, – приободрился ведун, пытаясь сесть. – Лучше холодная каша, чем горячий голод.

– Дай помогу... – наклонилась вперед девушка. Они едва не столкнулись лбами, но Даромила резко отвернулась, и Олег получил по щеке шлепок толстой тяжелой косой. И вдруг подумал, что для двадцати лет, на которые выглядела помощница, она уж слишком засиделась в девках. Старая дева уже, можно сказать. Обычно замуж на Руси лет этак

в пятнадцать, шестнадцать, ну, в семнадцать выдают. Редко когда позднее.

– Благодарю, красавица. Что бы я без тебя делал? – От перемещения в вертикальное положение у Середина закружилась голова, и он понял, что встать пока не сможет. По крайней мере, в ближайшие пару часов, пока хорошенько не подкрепится и окончательно, не придет в себя.

– Слушай, милая. Сделай доброе дело, принеси ложку. Она на поясе. Вон, поверх сумок у печи лежит.²

Даромила кивнула, сходила к печи, расстегнула чехольчик, достала главный инструмент всякого русского человека:

– Ух ты! С самоцветами! Дорогая, наверное?

– Уж какая есть. – Олег принял от нее ложку, тут же подцепил и перекинул в рот все три мясных кусочка, прожевал, потом принялся торопливо черпать чуть теплую кашу.

– А правду сказывали, что у тебя кистень серебряный?

– Какой есть, – лаконично повторил занятый трапезой Середин.

– Тоже, небось, немалых денег стоит... А может, ты и не путник вовсе? Может, боярин переодетый, что от княжьего гнева прячется?

Олег промолчал, а девица, увлеченная неожиданным «прозрением», заметалась по бане:

---

² Испокон веков на Руси был принято носить свою ложку с собой – простейшая гигиеническая предосторожность. Соответственно хозяева, привечая гостей, столовых приборов к угощению не прикладывали. Зачем, если у каждого есть свой?

– Отчего же переодетый? Рубахи у тебя шелковые, штанов разных целый мешок, сапоги дорогие, оружие странное с рукоятью из самоцветов...

– Какой боярин?! – поспешил вмешаться в ее мыслительный процесс Олег, сообразив, что рискует стать героем во все невероятных слухов. – Какой боярин! Ты телеги мои у забора видела? Это добыча ратная. Думаю, до Рязани доберусь, за две-три гривны продам. Обычный воин я, саблей себе прибыль зарабатываю. Дома и семьи у меня нет, так что доход весь на себя трачу.

– Целых три гривны? – изумилась Даромила. – За один поход?

– Не за один поход, а за целый год доход у меня такой получился, – на всякий случай предупредил Олег. – К тому же из трех сотен, что со мной на половцев ходили, полста головы свои сложили, а еще два раза по столько ранеными возвратились. Вот и считай: две гривны за свой живот – много это или мало?

– Три гривны? – словно не услышала его девушка. – За один раз?

– Ты чего, в ратники решила записаться? – усмехнулся Олег. – Так имей в виду: шанс с добычей вернуться один из четырех примерно получается.

– Отчего это? – не поняла девица.

– Победишь или разгромлен будешь это один к одному, – растопырив четыре пальца, тут же загнул два ведун. – И еще

один к одному – что в случае победы ты жив останешься, а не живот свой в чужих краях потеряешь.

– Но ты же цел? – после некоторого раздумья сказала Даромила.

– Мне повезло, – вернул Олег вычищенную до доньшка миску. – Спасибо тебе, красавица. И за угощение, и за то, что волхва вовремя позвала. Вот уж обидно так обидно: половецкий поход без единой царапины пережить, а в родных землях живота лишиться.

– Радша батюшке велел курицу для тебя сварить, а бульоном заместо сыта отпаивать, – глядя куда-то мимо гостя, сообщила девушка. – Я покуда ощиплю, а вечером отвар принесу. Ты отдыхай пока. Лихоманка много сил берет, зараз не оклемаешься.

Середин, ощутивший в желудке приятную тяжесть, спорить не стал, благо укладываться оказалось просто донельзя: набок отвалиться, и всё. В этот раз вместо вязкого месива он оказался в чистом небе. Над головой светило солнце, и именно к нему тянулся ведун всей душой – пока девичья рука не прикоснулась к плечу:

– Вот, испей, боярин.

Олег вздрогнул, просыпаясь, и уже без посторонней помощи сел на полке, принял у Даромилы миску, мелкими глотками выпил горячий бульон.

– Кашу чуть опосля принесу, – пообещала девушка. – В печи томится.

Когда кормилица ушла, Середин спустился, прогулялся по жаркой бане, думая о том, куда бежать по нужде – к хозяевам, или так выкручиваться. После некоторых колебаний вспомнил, что в дом ему входить запрещено, и «выкрутился», благо баня изначально предназначена для удобного слива воды, да и самой воды запас имелся.

Даромила пришла, как и обещала, «чуть опосля», примерно через полчаса. Принесла вареную крупными кусками репу, жареную капусту, вареный куриный окорок, а когда гость взялся за еду, с гордостью сообщила об уловке:

– А на боярина ты откликаешься!

– Ой, милая, – покачал головой Олег, – как меня только ни называли. И купцом, и колдуном, и боярином, и бродягой. Я уже на всё согласен, лишь бы миску полную наливали.

– Как это на всё? – не поняла девушка. – Ужель не позорно, коли обидным словом кличут?

– Коли не со зла, то и не обидно, – спокойно ответил Середин. – А коли со злом, то сабелька завсегда при мне. Чик, и нет головушки у языкастого...

Одновременно с последним словом за Даромилой захлопнулась дверь.

Впрочем, новым утром она опять появилась, принеся блюдо с двумя крупными копчеными лещами. В первый миг ведун хозяйскую дочку даже не узнал: в жемчужной понизи, в кокошнике, в расшитом сине-красными лентами сарафане с пышными плечами она показалась чуть не на полголовы

выше и в полтора раза шире в плечах.

– Ну, ты просто чаровница писаная! – развел руками Олег, прыгивая с полка. – Неужели ради меня так убралась?

– Сватов ныне ждем. – Девушка поставила рядом с блюдом миску бульона. – Сестру просить обещались.

– Сейчас? – удивился ведун. – Я думал, свадьбы больше по осени играют.

– То играют, – отвернулась Даромила. – Токмо пока сговорятся, пока попрятничают, пока сберутся, аккурат до осени время и пройдет.

– Понятно... – Олегу показалось, что на глазах девушки блеснули слезы, и он прекратил расспросы, посвятив внимание завтраку.

Однако, покончив с едой, тоже достал из сумки свежую рубаху из темно-синего шелка, натянул шаровары, добротные сапоги, опоясался саблей и вышел из бани. Огляделся, подобрал у изгороди иссеченный чурбак, на котором, видно, не первый год кололи дрова, отнес к бане и уселся на него, привалившись к теплой бревенчатой стене, зажмурился и подставив лицо солнцу.

– Ей, мил человек. А правду сказывают, что ты боярин тайный и от княжеского гнева прячешься?

Олег с удивлением поднял голову. Перед ним стояла уже знакомая голубоглазая туземка, что направила его позавчера на этот двор. Только на этот раз красотка выглядела куда более броско: по лбу поблескивал венец из серебряных монет,

ограничивающийся большими височными кольцами, волосы укрывала бисерная сетка, на плечах лежал платок с красным набивным рисунком по краю. На расшитом катурлином сарафане красовался наборный поясok из чередующихся медных блях и крупных жемчужин неровной формы. Впрочем, такая она тут была отнюдь не одна. На дворе успело собраться не меньше полусотни деревенских – женщин, мужиков, подростков. Все одеты, как на праздник, и все делают вид, что забрели сюда случайно – глядят по сторонам, мнутя у сараев и изгороди. Некоторые, правда, беседуют между собой.

– Так ты и вправду боярин?

– Тебе-то чего? – Поняв, что слухи уже поползли, Олег спорить не стал. Всё равно бесполезно. – Я к тебе первой попросился. Коли погнала, чего теперь спрашивать?

– А ты тогда без сабли был, боярин... – оценила она богатый поясной набор ведуна.

– Смотрела плохо. Рядом она, на телеге лежала.

– А у тебя рукоять меча и впрямь из самоцветов собрана?

– Какая есть. – Разве объяснишь здешним обитателям, что такое прозрачная пластмасса и как легко ее можно красить пастой от обычной шариковой ручки?

– Дай глянуть...

– Ку-уда! – чуть не хлопнул ее по ладони Середин. – Мужской инструмент бабьих рук не терпит!

– Да надо мне оно... – обиделась девица и пошла к навесу.

И тут с улицы донеслось:

– Едут, едут!!!

Перед воротами пробежали несколько босоногих мальчишек, а следом показались пятеро богато одетых гостей: в зипунах и подбитых лисой шубах, в высоких шапках из горностая³ и бобра. Первым шествовал осанистый рыжебородый мужик. На вид – лет сорока, не больше, однако с высоким резным посохом и в длинном, почти до пят, зипуне яркого небесного цвета, с кручеными желтыми шелковыми шнурами, пришитыми снаружи вдоль всех швов.

Мужик остановился перед воротами, но повернулся к ним спиной, ткнул посохом в направлении вала:

– Тудыть, что ли?

– Нет, нет, странник! – вернулись назад мальчишки. – С другой стороны.

– Туда? – повернулся на треть оборота мужик.

– Да нет, нет! Здесь, сюда!

– Тут? – наконец в повернулся в нужную сторону гость.

– Тута! – радостно заорала малышня.

– Ну так, слуги мои верные, наградите проводников наших богатыми дарами...

Дети кинулись к сватам, и те, что шли позади, начали раздавать им пряники и печенье. Мужик же шагнул в ворота, сделал несколько шагов, остановился посреди двора, стук-

---

³ По воспоминаниям различных путешественников, на Руси мех горностая ценился не очень высоко. Предметом роскоши не являлся.

нул посохом оземь, скинул шапку, поклонился на все четыре стороны и громогласно спросил:

– Кто хозяин в доме сем богатом? И да будут долгими его дни, да даст ему Сварог-батюшка здоровья богатырского, детей без счета, прибытков многих и разных.

Собравшиеся промолчали, и мужик вдруг, нахлобучив шапку на голову, развернулся к воротам:

– Ай, да нет же тут никого.

– Есть! – не выдержал кто-то из собравшихся деревенских.

– А, так ты хозяин? – немедленно развернулся к нему гость и поклонился в пояс. – Тебя-то мне и надобно. Долг за тобой в пять алтын...

– Не я! – спохватившись, попятился деревенский. – Обознался.

– Обознался? – уточнил сват. И вдруг опять рванул к воротам: – Нет же никого!

– Здесь, здесь! – гурьбой остановили его спутники.

И тут на крыльцо дома наконец вышел Севар с неизменно лохматой бородой, но зато в опрятной косоворотке с шитым воротом, в кожаных штанах и высоких сапогах с шитым же голенищем:

– Что за гам такой у дома моего?! Ни заснуть, ни поработать доброму человеку не дадут!

– Уж прости, мил человек, скитальцев заблудших, – поклонился первый из гостей. – Ищем мы Севара Шорника,

ладным товаром своим известного. Семь пар сапог истоптали, семь ладей хлеба сжевали, да не найти нам его никак, прям хоть домой с пустыми руками возвратайся.

– Коли так, то есть у меня для вас благая весть, – ответил хозяин. – Ни к чему вам боле сапоги топтать, ни к чему хлеб понапрасну изводить. Милостью Велеса великого, пришли вы к доброму порогу, нашли кого искали. Жена, поднеси гостю корец с медом хмельным, испить с дороги.

Хозяйка, тоже нарядно одетая, степенно выплыла из-за его спины, неся в руках ковш размером с хорошую братину – в такой полведра влезет, и еще место останется. Гость крикнул, повел плечами, словно перед рукопашной схваткой, отдал посох назад, принял ковш и поднес к губам. Послышались мерные глотки, по рыжей бороде потекли тонкие пенные струйки. На несколько минут над двором повисла мертвая тишина. Внезапно сват рывком оторвал от себя корец и перевернул. С острого носика скатились и упали на землю две сиротливые капельки.

Двор взорвался восхищенными криками – многие деревенские даже срывали и били оземь шапки.

– Так откель принес вас попутный ветер к моему порогу, гости дорогие? – поинтересовался шорник.

– Из дальней сторонушки. – Мужик отдал хозяйке корчагу, забрал посох и с силой стукнул им о землю. – Издалека мы сюда прибыли и, вестимо, не без дела.

– Просим милостиво, – опять поклонился хозяин. – Како-

ва же ваша нужда?

– Прибыли мы сюда по делу по торговому, – пригладил голову гость.

– Да торговому человеку у нас завсегда рады, – развел руками шорник. – Есть у нас седла добротные деревянные и кожей шитые, с подпругой одной, двумя и тремя, как кому по душе более. Есть мясо парное да копченое, есть хомуты прочные да потники, цветами полевыми вышитые. В место вы хорошее прибыли, гости дорогие, место прибыльное. Дай вам Велес еще девяносто лет здоровья, вспоминать наш товар станете с радостью. И цену невысокую возьмем, и товар погрузить поможем. Что желаете, люди торговые? Седел али уздечек красных, али снеди в путь-дорогу?

– Слышать, есть у вас другой продажный товарец, – улыбнулся мужик, – а у нас купец. Ваш товар, как мы слышали, дорогой, хороший и нележалый. А наш купец – богатый, хороший и неженатый.

– Купец богатый, хороший и неженатый – это разговор совсем другой получается, – понимающе развел руками Севар. – Неженатые молодые совсем другого завсегда хотят, это мы понимаем. Есть у нас товар, что и молодому неженатому по нраву придется... – Шорник сделал долгую паузу. – Ковер персидский есть. Мягкий, что трава лесная.

Среди деревенских кто-то прыснул в кулак.

– Ай, хорошая вещь – ковер персидский, – не моргнув глазом рыжий. – Пусть здрав будет тот, кто хранит редкостную

вещь такую в доме своем, да будут здоровы дети его и внуки. Но купец у нас, опять же, редкостный. Купец тот – Версавий, сын Премысла Сосновского, соседа моего. И ковры обычные покупать ему как-то невместно.

Когда прозвучало имя Версавия, по рядам сельчан пронесся короткий вздох. Теперь исчезла даже малейшая неопределенность, и всем стало ясно: кого сватают и за кого взять хотят.

– Да, купец у вас редкостный, – признал Севар, покачав головой из стороны в сторону. – Такому ковры персидские и стекло цветное предлагать не по чину. Однако есть у нас тоже товар редкий, чудесный, каковой простому человеку и показать боязно.

– Что же за ценность столь великая у тебя может быть? – засомневался сват.

– Юрта половецкая на двух телегах! – Услышав такое, Середин чуть не подпрыгнул на чурбаке: ведь это его юрта, не севаровская! Но тут же взял себя в руки: понятно же, что народ валяет дурака. Половодье, поля залиты, из селения не выйти, работ почти нет. Так почему бы со скуки и не поточить лясы, не пошутить перед важным делом? Хотя, очень может быть, пока выбранный в главные сваты рыжий бородач заговаривает зубы и отпивается хмельным медом, его спутники не спеша осматриваются, оценивают хозяйство, отношение соседей. Должны же они знать, с кем породниться собираются: с крепким мужиком, с пьянчужкой али голыть-

бой безлошадной? Чего просить можно, в чем, случись надобность, поддержку у отца жены искать?

– Мелок товар, – даже не оглянувшись, решил сват. – Мелок... Э-э, зря ехали! – Он сорвал шапку, кинул оземь: – Поехали отсель. Обманули нас, нет у хозяев красного товара.

– Есть-то есть, – покачал головой шорник, – да красный товар не каждому на глаза выпускают, не каждый оценить может.

– А покажи, хозяин! – обрадовался мужик, поглаживая бороду. – Глядишь, и сторгуемся...

– Не покажу.

– У вас товар, у нас купец... Как без показу-то?

– Не покажу.

– Ай, покажи, покажи товар! Покажи, хорошую цену дам.

– Не покажу, – отмахнулся шорник. – Не уговаривай, человек торговый, не покажу.

– Покажи, покажи, сосед, – принялись уговаривать Севара уже односельчане.

– Не покажу!

– А купцу нашему редкостному покажешь? – сделал хитрый и неожиданный ход мужик.

– Купцу вашему?.. – надолго задумался хозяин, а потом резко и размахисто махнул рукой. – И-эх, была не была. Привози купца своего завтра к полудню, покажу товар редкостный, товар красочный, товар дорогой! Покажу!

– А теперь, гости дорогие, – выступила хозяйка. – Не же-

лаете ли угоститься с дороги, чем богаты?

– Отчего же не угоститься, – поднял шапку мужик и нахлобучил обратно на голову. – Вижу, мастерица хозяйюшка. У доброй хозяйки не угоститься – грех...

Сваты пошли в дом, а деревенские собрались у навеса, живо обсуждая, как лихо гость выпил хмельной мед. Впрочем, кто-то тут же заявил, что и он так может, ему предложили попробовать – и парни, продолжая задорно перекрикиваться, двинулись со двора. Ясно, к вечеру все до единого лежать будут. Разве в таком споре одной корчагой дело обойдется?

Поняв, что представление закончилось, Олег пошел к себе в баню, но, приоткрыв дверцу, вдруг услышал тихое всхлипывание.

– Кто здесь? – шагнул он внутрь и увидел на нижнем полке Даромилу, прижавшуюся лбом к стене. – Эй, ты чего, красавица? Что случилось?

Девушка не ответила, только накинула на голову платок, чтобы закрыть лицо.

– Тебя кто обидел? Кто, скажи? Ну же, Даромила, ответь. Что случилось? – Олег подступил ближе, присел рядом, гадая, можно ли ему обнять девушку, чтобы утешить, или лучше руки не распускать. – Скажи, может, сделать чего? Помочь? Хочешь, голову обидчику снесу или порчу напущу на все его колено?

В ответ доносились только всхлипывания. Середин немного поколебался, взял ее за плечи:

– Да скажи хоть что-нибудь, милая моя. Ответь. Я ведь пред тобой в долгу. За волхва, что позвала вовремя, за заботу. Могу расплатиться, чем скажешь. Ну, Даромила, что случилось-то?

– Ты чего с ней сделал, чужак?! – как обычно, в самый неподходящий момент сунулся в баню лишний свидетель – все та же голубоглазая туземка. – Даромила, что он с тобой сделал? Он насильничал, да?

– Отстаньте от меня! – первой не выдержала девушка, отпихнула Олега, пробежала мимо туземки и выскочила наружу.

– Ты чего с ней сделал, негодяй? Чужак нерусский, нелюдь болотная!

– Можешь звать меня просто боярином, коли имени упоминать не способна, – ответил Середин. – И хватит голосить, как воробей из навоза, не трогал я ее.

Туземка осеклась, то ли переваривая услышанное, то ли думая над достойным ответом, и ведун воспользовался паузой:

– Слушай, красотка, а почему Даромила в кокошнике ходит? Это ведь замужних женщин наряд, а она вроде как при отце с матерью живет.

– Так замужем она, боярин, – всплеснула руками туземка. – Неужто не знаешь? Еще четыре года назад ее Сваролюб из того же Засосенья сосватал. Всё чин по чину, да токмо за десять ден до свадьбы он с друзьями двумя на лодке ставень

проверять поплыл, да и не вернулся боле никто. Ни лодки, ни молодцев никто так и не встретил. Живы ли, утопли – неведомо. Так и осталась Даромила соломенной вдовой. Ан и вдовой ли... Всякое ведь случается. Хотя в любом случае – кто же ее теперича за себя возьмет? И года не те, и кто она пред богами – неведомо. А хоть бы и вдова: разве ж на них женятся? После смерти, вестимо, все мужья и жены опять вместе сходятся. Коли на вдове женишься – она к мужу своему первому уйдет, а ты един, как перст, останешься.

– Кого же гости сватали?

– То среднюю, Умилу. Когда старшая замужем, можно и остальных дочерей выдавать.

– Вот стало быть, отчего она вся в слезах... – наконец сообразил Середин. – Свою, стало быть, неслучившуюся свадьбу сегодня вспомнила. Да, жалко девчонку. Красивая ведь, молодая. Жить да жить, детей рожать, мужа любить. Как же она теперь?

– А ты, коли такой жалостливый, взял бы да женился на ней. А, боярин? Бери Даромилу за себя, и не станет у нее никаких несчастий. А? – с плохо скрываемым злорадством предложила туземка. – Все вы такие жалостливые, пока от вас ничего не надобно. А самим лишь бы под подол залезть, да убечь опосля поскорее!

Выстрелив гневной тирадой, туземка гордо вскинула голову и выбежала наружу. Впрочем, даже без ее ответа Олег мог себе представить дальнейшую судьбу Даромилы: оста-

нется она до конца дней своих при отцовском доме. Будет ходить в старых девах, чужих детей и внуков нянчить, по хозяйству помогать. Может, так и останется доброй тетушкой. А может – бегать к ней, голодной на ласку, деревенские мужики станут. Бабы все проклинать начнут, мужики же, хоть и бегая, всё равно с презрением «гулящей» нарекут. И детей принесет она не на радость мужу своему, а «в подоле», отцу на позор. И станут детишки невинные зваться байстрюками, а мамочку их, совершенно запросто, еще и прочь погонят. И из дома отцовского – от позора, и из деревни – от ненависти общей бабьей...

– Тьфу, нечистая сила, – тряхнул головой Олег, отгоняя темные мысли.

Горе, радость Даромилы – это всё же не его беда. Не повезло девушке, ополчились на нее боги за что-то. За что – и сама, может статься, не знает. Да только всех девок несчастных за себя не возьмешь. И не при его образе жизни о семье думать. Опять же, коли семью создавать – то по любви, а не из жалости. Всех не пережалеешь.

– Тьфу, пропади! – усилием воли опять отогнал ведун думы о случайной, в общем-то, знакомой, забрался на поллок и завернулся в медвежью шкуру, пытаясь заснуть. Отдыхать нужно, пока возможность есть, а не над чужой судьбой несчастной голову ломать!

К вечеру Даромила «потухла». Ужин гостю принесла уже не броская красotka, а бледная деревенская девица в выцвет-

шем потертом платье.

– Долго мне еще тут взаперти сидеть? – поинтересовался Середин, принимая у нее кулеш с салом. – Чего волхв говорил?

– Ничто не сказывал, – пожала она плечами. – Ушел просто, и всё. Но батюшка без его дозволения тебя в дом не пустит. Лихоманки боится, что в тебе затаиться может.

– На нет и суда нет, – отмахнулся ведун. – Всё едино я здесь уже обжился. Могу и в бане спада воды подождать.

Правда, к следующему дню его мнение успело поменяться. Ходить из угла в угол прискучило довольно быстро, греться на солнышке можно час, ну два – а потом тоже надо едает. Устав валять дурака, Середин смазал кузнечный инструмент и оружие салом – чтобы не ржавело, – перетряхнул вещи. А то ведь подмокнет тряпица всего чуть-чуть – а за пару месяцев вся одежда рядом с ней в труху перепреет. Вычистил своих лошадей – хотя особой нужды в этом, в принципе, и не было. Так день и прошел. К вечеру ведун поклялся, что завтра пойдет гулять по городу, что бы там местный волхв ни говорил. Осмотреться, с людьми познакомиться, на торгу погулять. Если на торгу никого нет – то хоть по мастерам местным походить, посмотреть, чем богаты, что умеют. Подарок Даромиле приглядеть. Он ведь действительно перед ней в долгу. Могла ведь и не побеспокоиться о чужаке, никого к нему не звать. Чувствовал Олег себя совершенно здоровым, а сидеть взаперти – так он не тать какой-нибудь,

чтобы в порубе жить.

Правда, новое утро началось с развлечения: во дворе шорника загодя начали собираться соседи, друзья. К полудню явились сваты. В этот раз они прибыли без болтливового рыжебородого мужика, зато между ними шел парень с еще только пробивающимися усиками, но уже широкоплечий, крепкий. Кафтан из замши, доходящий до колен, был расстегнут на груди, демонстрируя цветастую атласную рубаху, перепоясанную широким матерчатым кушаком. На шее поблескивала серебряная гривна, на запястье – жемчужный браслет.

– Мир этому дому, – поклонился крыльцу один из сватов. – У вас товар, у нас купец. Выходите, хозяева, на торг. Расставляйте прилавки, выкладываете свое добро.

На крыльце появился Севар, низко поклонился:

– Нашему товару ни прилавки, ни зазывалы ни к чему. Он и сам себя покажет, собой все слова скажет...

Олег подумал, что сейчас опять начнется долгое словоблудие, однако на крыльце появилась девочка лет пятнадцати, хрупкая, как тростинка, но с розовыми щеками и плохо скрываемой улыбкой на губах. Она старательно смотрела вниз, в шаг перед собой, но время от времени не выдерживала и коротко стреляла взглядом вперед, на своего жениха. Она была вся в красном: красное платье, красная шапочка, похожая на низкий поварской колпак, красные туфельки время от времени выглядывали из-под длинной юбки. Жених выступил из-за сватов, двинулся навстречу. Мо-

лодые люди почти сошлись, но промахнулись друг мимо друга примерно на шаг, прошли еще немного вперед, развернулись по небольшой дуге, опять прошли мимо, опять развернулись. Неожиданно жених вытянул руку – невеста подняла свою, и Середин увидел, как блеснули у нее на пальцах жемчужины браслета.

Тут местные так заорали, словно любимая команда забила гол заезжим чемпионам, и жених с невестой рванули в разные стороны. Ведун закрутил головой, надеясь найти того, кто объяснит смысл происходящего, углядел в нескольких шагах туземку, подошел к ней, наклонился к самому уху, шепотом спросил:

– Ну, и что теперь?

Она вздрогнула от неожиданности, оглянулась, кивнула:

– Как что? Раз подарок не уронила, теперича к жениховым родичам на смотрины ее повезут. Ну, а уж там про приданое да хозяйство рядиться станут.

– А если бы уронила?

– Плохая примета. Если невеста подарок от жениха роняет, то, стало быть, и свадьбе не бывать. Дидилия против, коли под руку толкает.

– Добрый у тебя товар, хозяин, да всякому ли по нраву придется? – начали заранее известную речь сваты. – Не дашь ли у нас дома посмотреть, соседям на зависть, нам для разума?

– Отчего не дать, – кивнул шорник. – Наш товар без изъ-

яну, нам стыдиться нечего. Приезжайте послезавтра, сам его к доброму дому и провожу...

Деревенские тем временем уже расслабились, начали болтать между собой, кое-кто потянулся со двора. Видимо, самым напряженным для всех был именно момент передачи подарка, и более никто ничего интересного не ждал.

– Постой, красивая, – двинулся следом за туземкой Середин. – Ты мне не подскажешь, что у вас девушкам дарят, когда замуж зовут?

– А тебе зачем? – моментально встрепенулась туземка. – Ужель глаз на кого, положил.

– Ни на кого я ничего не клал! – мотнул головой ведун. – Просто интересно.

Между тем вопрос был отнюдь не праздный. Обычаи в разных местах разные, и зачастую самое невинное подношение может оказаться не знаком обычной благодарности за оказанную помощь, а недвусмысленным предложением, связывающим человека по рукам и ногам. Вроде как в Древнем Риме подарить девушке ключ или в Европе двадцатого века – кольцо. Потом не отбрыкаться будет.

– Ты ведь, боярин, со двора севаровского и не выходил во все. Окромья Даромилы и не видел никого... Ужель и вправду ее взять решился? Запал на нее, да, боярин? – Туземка закрутила головой. – То правда, она у нас девка справная, в теле, хозяйственная...

Олег открыл рот, надеясь вставить хоть слово в стреми-

тельный монолог девицы, потом закрыл, так и не найдя подходящего мгновенья.

– ...а рукодельница, просто чудо какая. Вышивает – глаз не отвести! Пирог печет – вся Чернава слюнки глотает. Красна собой, словно лебедь белый. А сердце чтобы открыть, ты ей платок подари ситцевый, с рисунком красным, и пусть квадратики в рисунке будут, вроде как дом общий, и цветы, как в душе расцветают...

«Оп-паньки! – мысленно порадовался своей предусмотрительности ведун. – А ведь я ей совершенно запросто платок мог подарить! Вот тогда бы точно ни в жизнь не отбредался».

– Ой, торго-то у нас и нет ныне... Ну, так хочешь, боярин, к бабе Северии тебя отведу? Платки она сама не ткёт, зато узоры набивает, глаз не отвести!

– Нет!!! – испуганно вскинул руки Олег. – Нет, не нужно! Не сейчас!

– И верно, – на удивление легко согласилась туземка. – Ныне сватов все смотреть выбрались, не застать никого на дворах. Где ж Даромила бродит? И не знает поди ничего!

– Только ей ничего ляпнуть не вздумай, туземка. – Олег почувствовал, как его пробил холодный пот. – Я ни на ком жениться не собираюсь, понятно? Бродяга я бездомный, мне жены не положено.

– Ага, – кивнула девица, шаря глазами по двору.

– Ты меня слышишь, туземка? – тряхнул ее за плечо Се-

редин. – Я жениться ни на ком не собираюсь. Не вздумай ничего Даромиле говорить!

– Значит, на ней всё-таки?

– Тьфу, – сплюнул ведун. – На колу висит мочало... А ну, клянись Велесом, что не скажешь ей ничего! Клянись немедленно!

– Хорошо, не скажу, – вроде бы стали наконец доходить до разума туземки его слова. – А как ты меня кликал-то всё время, боярин?

– Никак, – отпустил ее плечо ведун.

– Обознался ты. Желаной я наречена.

– Ничего никому не говори, Желана, – еще раз напомнил Олег. – Я жениться не собираюсь. Скорее наоборот, понятно?

– Угу... Где же она прячется? Опять, что ль, плачет? – Девушка задумчиво потерла подбородок, а потом двинулась к небольшому сарайчику за домом.

Ведун же, с облегчением вздохнув, подался в другую сторону – к воротам и на улицу. Свежим воздухом подышать, осмотреться.

Сперва он из любопытства прошелся вдоль вала, поднялся наверх. Прочный тын из бревен в половину обхвата толщиной поднимался на высоту в полтора роста, примерно на высоте пояса находился узкий помост в три жерди. Внизу между многими кольями имелись щели в три пальца шириной – аккуратно, чтобы стрелу пустить или пику просунуть; с ин-

тервалом в два-три метра степену подпирали бревна толщиной уже в обхват.

Дабы не вызывать лишних подозрений, долго разглядывать укрепления ведун не стал. Глянул сверху, где в деревне имеется просвет, сбежал с вала и двинулся туда.

На краю площади стоял идол Макоши – щекастой женщины в старательно, со всеми складочками, вырезанном платке, из-под которого выглядывала толстая коса. Перед идолом слабым дымком курилась кучка каких-то благовоний. Хотя, возможно, это были остатки жертвенного костра. Справа и слева от богини, покровительницы богатства, тянулись дощатые прилавки. Все, как и предупреждала Желана, пустые. Половодье, ледоход, заторы-зажоры. Ладьи не плавают, проезжие не показываются. С кем торговать? А свои, коли что понадобится, и так знают, на какой двор за чем идти.

В этот миг до Середина донесся мерный звон молота, и ведун, встрепенувшись, пошел на звук.

Для кузнеца, известное дело, сезонов нет. Хоть с града, хоть зима, а работа завсегда найдется. Стучать в темные, подгнившие снизу, ворота Середин не стал – кто же его в таком звоне услышит? Толкнул створку, шагнул во двор, кивнул кормящей кур женщине и сразу повернул вправо, к кузне, что стояла в конце огорода, подальше от прочих строений.

Сбыслав в толстых кожаных штанах, замаслившихся от долгой носки, и в кожаном фартуке как раз отбросил на землю ручник, прихватил подкову клещами и кинул в горн.

Взялся за рукоять меха.

– Неужто не готова еще?

– Дыры под гвозди надобно пробить, – покосился на него кузнец. – А, это ты, чужак. Никак обратно в Сураву собрался?

– Куда там обратно, – отмахнулся Олег. – Вода, вон, поднимается только. Спадать и не думает.

– Дык, на лодке, – пожал плечами Сбыслав и ухватил другую заготовку, раскрасневшуюся до ярко-алого оттенка.

– Помочь? – предложил Олег.

– Сам управлюсь.

– Да я денег не спрошу. Так, от нечего делать подсоблю.

Бери пробойник.

Олег перехватил у хозяина клещи, сдвинул заготовку к отверстию на наковальне. Не заставив себя уговаривать лишний раз, Сбыслав ухватил заточенный стержень, ручник и, быстро переставляя пробойник, шестью сильными ударами пробил шесть отверстий.

– Куда?

– В вошву кидай, пусть подкалится.

Вода в деревянном корыте зашипела, забурилась, по поверхности поплыла окалина и белая зола. Середин развернулся к горну, поворошил клещами угли, нашел еще одну красную подкову, перекинул на наковальню. Вместе они закончили работу всего за несколько минут. Сбыслав снял фартук, присел на брошенное возле входа бревно, поднял

с земли большую крынку, молча протянул гостю. Олег присел рядом, отпил несколько глотков чуть терпковатого пива, крякнул, вернул кузнецу. Тот тоже сделал несколько глотков, поставил на землю, отер бороду:

– Ну, и как тебе? Я для него бражку поперва с рябиной настаиваю, а уж потом перевариваю, да хмель кладу.

– Непривычно. Но нравится, – кивнул Середин и за похвалу получил еще несколько глотков.

– Чего же пришел, коли назад не собираешься, чужак? Видать, нужда в чем появилась?

– Да вот, спросить хотел. У вас в Чернаве украшения какие женские купить можно?

– Какие-никакие – всякие, – усмехнулся кузнец. – Проще сказывай, чего именно ищешь?

– Сам не знаю, – пожал плечами ведун. – Подарок хотел девице сделать. Не очень дорогой, но чтобы память добрая осталась.

– От оно как... – для лучшего мышления Сбыслав хлебнул еще изрядно пива. – Ну, платков, сам понимаешь, у меня нет. Ан колец пара лежит. Балуюсь иногда с желтым металлом, коли работы мало. Дочка, чай растет. Скоро красоты захочется. На, допивай. Сейчас принесу.

Олег от угощения отказываться не стал, а ухватил крынку за широкое горлышко и привалился спиной к стене. К тому времени, когда глиняная емкость опустела, как раз вернулся хозяин, протянул ведуну небольшой сверток, сам вошел

в кузню, чем-то там загремел. Середин развернул тряпицу и восхищенно цокнул языком: это были крупные височные кольца из желтой меди со спиральным рисунком из серебра и небольшим отверстием посередине, в котором покачивались жемчужинки. Похоже, с речным жемчугом в здешних местах проблем не было – пихали его куда только можно.

– Великолепно! – не стал скрывать впечатления ведун. – Я такой красоты даже на Новгородском торгу не встречал.

– Да? – высунул голову из-под полога Сбыслав. – Я чеканку мыслил лаком покрыть али эмалью, да зелья нигде узнать не смог. Оттого и решил серебро вбить.

– Блеск! Так оно даже лучше получилось. Жаль, тебе они самому, наверное, нужны.

– Моей малой еще десяти весен нет, – засмеялся кузнец. – Я ей еще не одни смастерить успею. Куда краше этих будут. В Рязани буду, еще раз тайну лака ювелирного вызнать попробую.

– Не пробуй, – покачал головой Середин, сворачивая тряпицу с кольцами. – Сколько хочешь за товар свой изящный?

– Согласись, сорок белок будет совсем не много.

– У меня нет беличьих шкурок.

– Тогда девять кун.

– И куниц нету. Я же не промысловик, чай сказывал.

– Чем де тогда платить хочешь?

– Серебром, Сбыслав. Думаю, ты не считаешь, что серебро хуже мехов?

Кузнец скользнул беглым взглядом по пальцам гостя, и ведун улыбнулся уголками губ. Большинство обитателей этого мира больше привыкли считать деньгами не содержимое кошелька, а то, что человек носил на себе. Заплатить за покупки кольцом, перстнем, шейной гривной, монетой с монисто или серебряной пластиной с собственного боевого пояса, золотой пуговицей, пряжкой, наконечником шнурка считалось в порядке вещей. Оттого-то и ходили многие разукрашенными, как попугаи, коли казна позволяла. Не красоты ради – а для демонстрации платежеспособности. Ну, и приобрести если чего захочется – капитал всегда при себе. Точнее – на себе. У Олега же сохранились старые привычки: он сунул руку в карман косухи, достал вышитый кисет и подбросил его в ладони, позволив монетам негромко, но весомо звякнуть.

– Персидское?

– Новгородское. Чешуя.

– Ну, – прикинул кузнец, – две чешуйки в чеканку я точно выбил. И металла еще на две потратил. Жемчужины по чешуе, не меньше стоят. Стало быть, шесть...

– Шесть так шесть... – Поскольку работу Сбыслав почему-то включать в счет не стал, Олег решил не торговаться, развязал кисет и отсчитал монетки. – Спасибо тебе, мастер. Золотые у тебя руки.

Ведун вернулся на двор к шорнику, закрылся в бане и запалил печь. Коли делать нечего – так хоть на огонь полюбоваться...

Перед самыми сумерками Даромила принесла большую глиняную миску со щами, большой ломоть хлеба, поставила на лавку кувшин:

– Батюшка пива свежего сварил. Коли сговорится со сватами-то, пивом заливать надобно. После пива уговор уж не рвут. Ты попробуй. К сватам ведь за стол не пустят.

– Спасибо, хозяйюшка. Балуеть...

Олег перевернул одну из шаек, сел перед лавкой, на которой был устроен простенький стол, вынул из чехла ложку. Покосился на девушку. Та почему-то не уходила – слонялась по бане и заглядывала в углы, словно видела их в первый раз.

– Жарко тут у тебя, боярин.

– Так ведь волхв сказывал, лихотанка жара боится. Вот и стараюсь.

– Ох, жарко... – присела на нижнем полке девушка, уронила на пол мягкие черевички и заболтала ногами. – Прямо дышать нечем.

– Приходится терпеть. – Середин отвернулся к щам и принялся за еду.

– Как же ты живешь так, боярин? Без жены, без дома, без земли.

– Живу, – пожал плечами Олег. – Оно ведь, с другой стороны, и спокойнее. Коли нет ничего за душой, то оно и бояться нечего. Потому как нечего терять. Коли в сечу иду – не боюсь, как жена без меня жить станет, на кого хозяйство останется, кто на землю позарится. Я и сабля – и нет для ме-

ня в бою иных дум. Очень, кстати, полезное состояние.

– Но как же без супруги-то?.. – не поняла она. – Кому семья свое отдашь, кто детей тебе родит, кто род твой на земле оставит?

– Ну, я же не говорил, что моя жизнь идеальна... – усмехнулся ведун.

– Коли детей нет, зачем живешь? Для кого голову кладешь, как дедам в очи смотришь?

– Не смотрю, – повернулся к ней Олег. – Я же говорил: нет у меня за спиной ничего. Ни детей, ни родителей. Один я.

– Бедный ты мой, – покачала головой девушка. – Сирота.

Ведун вздохнул. Изливать свою душу случайной знакомой он не имел ни малейшего желания. Объяснять, как оказался в этом мире – тем более. Между тем, Даромила явно ждала ответа.

«Интересно, чего это она сегодня такая обходительная да заботливая? – подумал он и тут же сам и ответил: – Желана... Ну, как баба может при себе хоть что удержать! Конечно же, упредила подругу, что от гостя сюрприза ждать нужно...»

– Да, хотел перед отъездом, но чего тянуть? – буркнул он себе под нос и достал сверток. – Возьми, Даромила. Это тебе. Красивая ты девушка, и добрая. Вот и решил подарок от себя оставить.

Она приняла сверчок, неуверенно посмотрела на Олега, на подарок. Потом осторожно отвернула край и ахнула:

– Какая красота!!!

Девушка вскинула кольца к вискам, но тут же спохватилась, шагнула к гостю, крепко его поцеловала, опять подхватила украшения, метнулась в одну сторону, в другую, попыталась заглянуть в котел – ничего, естественно, не разглядела, выскочила наружу. Олег притворил за ней дверь, отпил из кувшина пивка, кинул на лавку косуху, штаны и забрался наверх. Поставив пиво на расстоянии вытянутой руки, он распростерся на мягкой шкуре, глядя на близкий прокопченный потолок.

Да, простые нравы в этом мире, простые и понятные. Дети, дом, семья. Семья свое оставить – вот она, настоящая цель жизни. Главный след мужчины на земле – это род свой. А всякие высшие идеи: наука, философия, литература, слава ратная... Кому она, и вправду, нужна, если детей нет, что все это унаследуют?

– Боярин! – постучали в дверь.

Олег промолчал, и девушка постучала громче:

– Боярин, дай миску забрать.

Середин спрыгнул с полка, подошел ближе, отпихнул ногой подпирающее дверь полено. Улыбающаяся Даромила скользнула мимо, подобрала пустую посудину, смахнула на пол крошки, повернулась:

– Ну, пошла я, боярин. Спокойно тебе в тепле поживать.

Олег посмотрел в ее совершенно черные в сумерках, бездонные глаза, шагнул ближе, обнял и крепко впился ртом в мягкие горячие губы.

– Ей, боярин, не беспокою? Пирогы съесть станешь?

Олег вздрогнул. Похлопал рукой рядом с собой: никого. Он протянул руку еще дальше, нащупал кувшин, вылил остатки хмельного угощения в рот и тряхнул головой:

– Забористую тут бражку варят, однако. Причудилось, что ли?

– Нешто спишь, боярин?

Середин сел на полке, прикрыв низ живота шкурой,глянул на дверь:

– Так открыто же! Заходи.

В баню вплыла Даромила, неся на деревянном подносе пару расстегаев и несколько мелких пряженцев, поставила на лавку, крутанулась, подхватила пустой кувшин:

– Сыта опосля принесу, пока рукоделья моего отпробуй.

– Сегодня, что ли, пекла? – удивился ведун.

– А когда же? Пробуй, горячие еще!

«Стало быть, и вправду причудилось, – понял Середин, наблюдая за девушкой. – Когда бы она всё успела, если бы ночь тут провела?»

Даромила выглядела совсем как накануне вечером: платок на волосах, старый выцветший сарафан, но... Что-то в ней изменилось. Теперь она словно вся светилась изнутри, и порхала легко, как по воздуху.

– Вставай, боярин! Всё лето проспидишь! – Она выскочила наружу.

Олег поднялся, сунул палец в котел на печи, потом зачерпнул оттуда шайкой воды и вылил себе на голову. Удобно это всё же порой – в бане пожить. Наклонился к пирогам, выбрал румяный пряженец, сунул в рот. Он оказался с жареной капустой и яйцом, чуть недосоленный, но всё равно удивительно вкусный.

– Вы поднялись? – заглянула внутрь Даромила. – Или только ты, боярин?

«Не приснилось...» – сообразил ведун.

Девушка поставила на лавку снова наполненный кувшин – только пахнувший уже не хмелем, а медом, – пальцами пробежалась, как по флейте, по мужскому Олегову достоинству. Оно немедленно откликнулось, а Даромила, чуть прикусив ведуну ухо, шепнула:

– Давай скорее, а то батюшка чего подумает. Мне еще скотину надобно напоить.

К ночи Середин уже в точности знал сельский трудовой распорядок. Скотину напоить, корму задать – четверть часа перерыв. Птицу накормить, воды в кадки от колодца натаскать, чтобы грелась, бурду для поросят запарить – еще перерыв. Потом гостя обедом попотчевать – тут уже полчаса времени выкраивается. Опять вода, дойка коровы и трех коз, чистка хлева – перерыв. Затопить печь в доме, кашу протомить, корм скотине запарить, золу развести, дабы тряпье зав-

тра постирать – опять передышка. Потом дело к вечеру подходит, а стало быть – Олегу ужин нести пора. И торопиться в темноте уже некуда...

Проваливаясь в спасительный сон, Середин уже не знал, кто за этот день устал сильнее: Даромила – на работе, или он – не вылезая из-под шкуры.

Новое утро началось непривычно – с ласкового прикосновения сухих мягких губ к глазам, потом к кончику носа, к губам.

– Даромила... – пробормотал Олег, возвращаясь к реальности, попытался поймать ее за руку, но девушка отстранилась:

– Смотри, как красиво...

Ведун открыл глаза: Даромила в расшитом праздничном сарафане крутанулась вокруг своей оси. Под краями кокошника на ее височных кольцах блеснули ярким светом серебряные спирали, окаймляя чуть розоватые жемчужины.

– Класс! – вскинул большой палец Олег. Значения этого слова и жеста девушка знать не могла – но поняла, что ее хвалят, зарделась, подбежала, поцеловала гостя в губы и выскочила из бани. Середин усмехнулся: приятно всё-таки доставлять людям удовольствие! Поднялся, выпил принесенного чуть сладковатого сыта, пироги трогать не стал – не чувствовал пока голода.

Учитывая праздничные ожидания деревенских, Олег надел синюю шелковую рубаху, что была куплена в Белоозе-

ре уже так давно – и не вспомнить, опоясался саблей, собрав лишнюю ткань рубахи на спине в одну складку. После небольшого раздумья накинул на плечи не престижный, по местным меркам, бобровый налатник, а изрядно потертую косуху – неудобно всё-таки без карманов обходиться. В правом, как всегда, лежал тяжелый серебряный кистень с выведенной наверх петель, в левом – кисет с оставшейся новгородской «чешуей». Пригладив волосы, ведун вышел во двор, где опять собралось изрядно соседей, присел на чурбачок на солнышке. И почти сразу услышал шепоток:

– Идут! Идут...

Середин встал, подобрался поближе. Любопытство, как говорится, не порок – особенно если делать ну совершенно нечего! За оградой показались неспешно топающие вдоль вала сваты, которые, словно преданные телохранители, окружали жениха. У ворот они остановились, поклонились па все четыре стороны, шагнули во двор и... И ведун ощутил, как примотанный к запястью крест отозвался на их приближение теплом.

– Может, заговоры какие охранные используют? – пробормотал он себе под нос, но поверить в подобное предположение не мог. Ведь сваты приехали уже в третий раз – и до сего освященный крестик никакой магии в гостях не отмечал. – Электрическая сила, что же это происходит?

– Здравствуй, хозяин, и пребудут долгими года твоей жизни, да наполнятся до краев твои амбары, и да будет твое пи-

во пенным, а стада – тучными, – поклонился один из сватов. – Прибыли мы на твой двор, дабы получить товар дорогой, товар сладкий, товар редкостный, да отвести к хранилищу прочному, в коем отныне он от чужих глаз храниться станет...

Слова были обычные – уважительные, витиеватые, как и полагалось для торжественного случая, доброжелательные. Вот только чересчур витиеватые для сватов, что прежде вели себя не так... старательно. И крест – крест пульсировал на запястье жаром, чуть не крича: «Здесь появилось нехристианское колдовство!».

– Ох, и высмеют меня, как последнего идиота... – пробормотал Середин.

Отступив назад, он за спинами наблюдающих за встречей деревенских быстрым шагом прошел к навесу, к своим вещам, подобрал щит, кинул его за спину. Петлю кистеня выпустил из кармана наружу, развязал узел кисета.

– Ох, не в свое ведь дело опять лезу...

У крыльца Севар уже ответил сватам столь же витиеватым приветствием, вывел за руку дочь, голову которой покрывал тонкий, почти прозрачный льняной платок, а плечи – подбитая лисой шуба. Сам шорник ради такого случая нарядился в высокую горлатную шапку и слегка потертый малиновый зипун с шелковыми шнурами. Как же иначе – впервые в дом к будущим родственникам собирается! И свое достоинство уронить нельзя, и невесту надобно лицом показать.

Ведун прокрался к воротам, приблизился к сватам, чувствуя, как крест наливается нестерпимым жаром, и громко спросил:

– А я могу жениху от себя подарок дорогой сделать?

– Подарок? – развернулись к нему не ожидавшие такого вопроса гости, и Олег, воспользовавшись кратким замешательством, схватил жениха за руку, повернул ее ладонью вверх и спешно прихлопнул своей.

– В-в-ва-а-а-а-у-у-у! – сорвался на звериный вопль гость, рванул конечность к себе. В воздухе пахло паленым, на землю упали две серебряные монетки.

– Что же ты драгоценный металл так не уважаешь? – усмехнулся Середин и перекинул щит из-за спины в руку.

– А-а-а! – Распахнув пасть с длинными клыками, жених ринулся вперед, но Олег, готовый к такому раскладу, рванул саблю из ножен лезвием вверх.

Стремительный клинок, молнией блеснув в воздухе, срубил ему кисть чуть выше запястья и макушку черепа. Ведун отскочил, покосившись на землю, и с облегчением перевел дух: никакой крови вокруг обрубка не растекалось. Значит – нежить!

– У-у-у! – кинулись к Олегу сваты справа и слева.

Навстречу одному Середин выставил щит, другого располосовал сталью, тут же упал на колени, рубанул саблей под нижним краем щита, снося чьи-то ноги. Нежить – она нежить и есть, убить ее почти невозможно. Но вот на кусочки

раскромсать – запросто. Пусть все эти ступни, голени, руки, головы продолжают шевелиться, ползать, пытаются укусить толкнуть или щипнуть – но лучше сотня маленьких огрызков, чем один большой дракон.

Середин придавил пяткой ползущую пятерню, хорошенько растер и тут же отскочил, подперев щит плечом и эфесом сабли. Удар одновременно прыгнувших сватов оказался силен – но опрокинуть ведуна им не удалось. Олег из-за края щита опять рубанул нежить, снося с плеч голову с бельмами вместо глаз, пнул ногой шелкающий зубами сапог и, отступив еще на шаг, глянул по сторонам. Деревенские созерцали происходящее, отвесив челюсти, словно зрители в кинотеатре, – ничего не предпринимая и не сдвигаясь с места.

– Волхва зовите!!! – заорал Середин во всю глотку. – Волхва! Один я...

Щит содрогнулся от тяжелого пинка, заставив ведуна отступить еще на шаг, сбоку выросла темная фигура. Олег выбросил вперед клинок, легко погрузившийся едва ли не по самую рукоять, – нежить резко повернулась вокруг своей оси и довольно загоготала. Застрявшая в теле свата сабля вырвалась из рук своего хозяина, не причинив твари видимого вреда.

– Ты победил? – хмыкнул ведун, отступая еще на шаг и запуская руку в петлю кистеня. – Доволен?

Нежить зарычала, бросаясь вперед. Олег рванул кистень, резко крутанул и впечатал его в совсем близкий лоб.

– У-а-а-у!!! – Серебро не просто разможило кости черепа – голова нежити зашипела, задымилась, опрокинулась за спину, увлекая за собой всё тело.

И в этот миг щит содрогнулся, ударил Олега в грудь, и не ожидавший нападения ведун откинулся на спину. Злое утробное мычание, длинные клыки у самого лица – Середин и сам не понял, как ему удалось так глубоко втянуть голову в плечи, чтобы нежить не смогла вцепиться в лицо. В следующий миг ведун подпернул под деревянный диск ноги, каким-то шестым чувством осознав, что им грозит опасность. Щит затрещал, прижимая Олега к земле с такой силой, словно сверху на него наехал тяжелый танк, и...

Тяжесть внезапно исчезла. Олег мгновенно вскочил, увидел, как кувыркается прочь одетая в косоворотку бесформенная тварь, а за ней, держа наизготовку оглобли, поспевают трое мужиков. Повернулся, кинулся вслед за другой нежитью, убегающей на четвереньках с вывернутой на спину головой, впечатал кистень в середину хребта. Послышался треск, шипение, глаза монстра вспучились, он кувыркнулся – Олег в прыжке дотянулся до рукояти сабли, одновременно выбрасывая вперед щит и дробя его окантовкой ребра гадкому порождению колдовства, рухнул в пыль двора, давя какие-то мелкие шевелящиеся куски, катнулся через правый бок, снова вскочил, выставив щит и помахивая саблей.

Вроде пока спокойно – одно из странных порождений оглоблями гоняют по двору мужики, не давая ни убежать, ни

кинуться на кого из людей, другое ползает на руках, волоча обрубки ног, третье – бьется, переломанное в пыли. Четвертое лежит, недвижимое, неподалеку от ворот. Притворяется, наверно – но оно и безопаснее. Угрозы от него нет, и ладно.

Олег перехватил клинок зубами, сунул свисающий с запястья кистень в карман, снова сжал в ладони рукоять сабли:

– А где еще одна?

– А-а-а!!! – С навеса крыльца на него рухнула и близко не похожая на человека тварь – с вытянутой, похожей на крокодила, мордой, под которой болтались на тонких ниточках человеческие глаза, с длинными шипами вместо кистей рук и перепончатыми ногами.

Ведун успел рубануть навстречу саблей, отсекая левое плечо, прикрыться щитом. В тот же миг древесина сухо треснула, толстый белый шип, пробив доску, впился Олегу чуть ниже ключицы. Настала очередь ему взвыть от страшной боли. Однако самообладания он не потерял и дернул щит вверх, заставляя тварь поднять верхнюю конечность – назвать это рукой язык не поворачивался, – и боковым ударом поперек брюха рассек тушку на две части. Ноги нежити отбежали на несколько шагов, потеряли равновесие и упали, продолжая молотить землю кончиками ступней, верхнюю половину Середин бросил сам – уж больно тяжелой оказалась. Она плюхнулась на спину и затрясла единственной конечностью, пытаясь стряхнуть щит.

– Не давайте им сближаться! – указал Середин на копо-

шашися тут и там обрубки. – Срастись могут.

Некоторые из отрубленных ног, рук, кусков тел обзавелись когтями, глазами и пастями – но всё равно оставались слишком уродливыми и неуклюжими, чтобы причинить людям вред. Деревенские мужики на удивление хладнокровно пинали их сапогами, давили, растирали в пыль, в то время как бабы, непрерывно визжа, отсиживались, забравшись с ногами на лавки, перила крыльца, кадки с водой, а две девки ухитрились даже вскарабкаться на верх загородки, за которой хрипели серединские кони.

– За волхвом побежал кто-нибудь или нет? – поинтересовался Олег, вытирая пот со лба.

– Так, значит, это не сваты? – запоздало спросил у него за спиной Севар.

Ведун повернулся к нему – но почему-то не смог остановиться, крутанулся вокруг оси раз, другой, третий и понял, что закружился...

Плечо засвербило, побежали холодные мурашки – Середин невольно дернулся, открыл глаза и увидел над собой спокойное лицо Радши.

– Это ты, волхв? Наконец-то! Тут такой... – Олег вдруг сообразил, что вокруг не так светло, как на улице, и пахнет здесь дымом и мятой, и вообще... В общем, он лежал в бане. Но тем не менее, по инерции ведун закончил: – Одному всего, пожалуй, и не прибрать.

– Я уж прибрал, – кивнул старик.

– Ты ведь два дня лежнем лежал, боярин! – высунулась из-за его плеча Даромила. – Я уж спужалась совсем. От батюшки тебе поклон с благодарностью. Ты как нежить побил, малец из Засосенья приплыл. У сватов, как отчалили, весло сломалось, они и не поплыли. Плохая примета. Его вместо себя на другой долбленке послали. Видать, заманить кто из колдунов батюшку и сестру мою хотел. Кабы не ты...

– Умолкни, балаболка, – перебил ее, не поворачивая головы, Радша. – Да и вообще, ступай отсюда. Гостю нашему твои прелести ныне недосуг, силы беречь надобно.

Девушка замолчала, чего-то недовольно буркнула себе под нос, фыркнула носом, но ушла.

– Зачем ты ее так, Радша? – укорил волхва Олег. – Ты ведь уйдешь, а мне одному тут хоть вой со скуки.

– Нешто она долго в стороне усидит, как я уйду? – хмыкнул тот в бороду. – А то, что молвить хочу, ей слышать не след.

– Это чего же?

– Прощенья у тебя попросить хочу, ведун Олег. Как увидел тебя, за хвастуна никчемного принял. Ан вишь, как обернулось... Я нежити и не заметил, а ты ловцов смертных наших остановил.

– Скажешь тоже, – поморщился Середин. – Я тут как хроник, только лечиться успеваю. То от лихоманки, то от раны. Не везет что-то в последнее время.

– Да, – провел волхв рукой над волосами Олега, – ныне не

твое время. А хочешь – оставайся, лучших дней дождись? К себе в дом пушу, ничем не обижу.

– Я бы и остался, – задумчиво ответил ведун, – да боюсь, кое у кого слишком много надежд на мой счет зародится. К чему лишний раз девку потом обижать?

– Тоже верно, – согласился волхв. – Ну, так вода, мыслю, дня через три спадать начнет, а рана уж завтра к вечеру затянется. Мазью я тебя от мертвого яда целил. В кожу он, вестимо, впитался, но еще пять ден мыться тебе нельзя, запомни. Зато стойкость к отраве сей до конца дней обретишь.

– Ничего себе! – изумился Середин. – Это что же, у вас нежить трупными ядами клыки мажет!?! Кто ее такому научил?

– Я тебе наемни сказывал, ведун. У нас на реке духи с нежитью особую силу и злобу имеют, – напомнил Радша. – Потому как река Смородина рядом. От нее и силу свою зло черпает.

– Это какая? – забыв про рану, сел на полке Олег. – Та самая?

– Она, – согласно кивнул волхв.

– Та самая, что Явь от Нави отделяет?

– Да.

– Через которую Калинов мост перекинут?

– Да, ведун, она самая, – в третий раз подтвердил Радша. – От нее-то, от силы Мариной, от нави близкой нежить свою силу злобную и черпает.

– Но этого не может быть! – замотал головой Середин. – Огненная река смоляная Смородина, через которую Калинов мост узкий, каменный перекинут, без ограды, без перил... Она... Она ведь... – Он вскинул руки к небу: – Она ведь там! Там, куда жаворонки души людские уносят, где бескрайнее царство прекрасной Мары раскинуто.

– То мне неведомо, ведун, – поджал губы старик. – Нет у меня той власти, что у великого Вельмеса, волхва князя Черного, имелась. Может статься, он реку Смородину с небес на землю опустил. Может, земли близкие ввысь вскинул. Однако же появилась по велению князя река Смородина в здешних местах. Оттого меж нами и Рязанью селений почитай что и нет. Там она где-то. Путь к ней заговорен словами тайными, заклятиями страшными. Охраняют ее твари жуткие, огнедышащие, безжалостные. Кого заговоры не остановят, того звери сии пожрут. Кто со зверями справится, тому в смоле речной гореть. Кого смола не спалит – того мост острый, что сталь булатная, пополам разрежет...

– Я помню, каков он, Калинов мост, – откинулся обратно на шкуру Олег. – Вот только зачем волхву великому страшное место сие на землю русскую помещать?

– А разве не слышал ты сей молвы, ведун? – удивился Радша. – Про князя Черного, злых хазар и мудрого волхва, великого Вельмеса?

– Расскажи, – попросил Олег, – сделай милость.

– Давно это было, ведун, – словно вспоминая, возвел глаза

к потолку старик. – Сказывают, не было на здешних землях достойного князя, и оттого считали их своими дикие злобные хазары. А для доказательства власти своей, что ни год, объезжал кто-то из воевод хазарского кагана земли здешние да собирал с кого дань, с кого подарки, с кого откуп, а кого и просто грабил не жалеючи. Детей, девок красных в полон гнал, а мужей, что к совести взывать пытались, и вовсе ако скот резал. И так привыкли хазары на землях русских бесчинствовать, что выезжали сюда, как на легкую охоту. Не токмо с ратью, а и с гаремами своими, беками придворными, татрами дорогими, посудой дорогой. Украшенные все, богатые, да еще и с казной на случай прихотей каких, коли с русских данников собрать много не случится. А в те времена пришел в южные края отважный князь Черный – порядок на Руси навести. Было это чуть не полтора ста лет тому назад, а может, и более. Пришел, город новый основал, столицу свою, кою так и нарек: Чернигов. А опосля с дружиной своей отправился земли окрестные рядить. Аккурат по тому времени направил свои стопы в пределы наши каган-бек именем Манасия. С ратями, с придворными своими, танцовщицами, рабами многими и ценностями великими. Грабил он селения окрестные, а сам роскошью своей наслаждался, сластями и винами, да новыми невольницами. Немало из-за него слез пролили люди русские, жены с матерями, немало он душегубством своим даней и откупов набрал. Да токмо не привел ему Сварог-батюшка назад к кагану вернуться,

встретил он на узкой дороженьке дружину князя Черного. А как у нас испокон веку с татями положено поступать, ведун? Вот и взялись князь да богатыри его за мечи вострые, и принялись крушить душегубов хазарских за ради дела отчего, покоя землицы родимой. Четыре дня, сказывали, рубили они погань хазарскую, да еще три ноченьки. Истомилися, все мечи иступили, но покончили и с каган-беком Манасием, и со всеми его ратями до последнего скотника. Увидел князь Черный добычу богатую, богаче которой и не бывало еще, услышал слова благодарственные от невольников, что свет свободы увидели, за долю свою успокоились. Но не возрадовался князь, а опечалился. Помыслил о том, сколько еще слабых и обездоленных в неволе хазарской томится, сколько матерей по детям своим слезы льют. И порешил он идти на хазар, в самое их логовище и резать нещадно, пока не останется поганого злобного племени, ни одно жалкое семя. А добычу свою великую, несчитанную, дабы с собою не везти, повелел волхву своему, Вельмесю, заговорить страшным словом чародейским, запереть засовами колдовскими, отгородить заклятьями неодолимыми. Так и появилась в здешних землях река Смородина. Вельмесь ее сюда привел, дабы добычу княжескую от рук жадных отгородить. Вот она, память и беда наша, ведун. Добыча княжеская, сокровище хазарское. И название селения нашего – Чернава – от того идет, что сокровища князя Черного поблизости схоронены.

– А дальше? – облизнул пересохшие губы Середин. –

Дальше что было?

– Ничего не было, ведун, – тяжело вздохнул Радша. – Не вернулся князь за добычей, сгинул в сечах на земле хазарской. Так и осталась она, заговоренная, без хозяина. А каган хазарский порешил, сказывают, с мезтью к нам прийти. Раз пришел – да побил его князь Олег Новгородский. Два пришел – побил его князь Игорь Рюрикович. Три пришел – побил его Святослав Игоревич. Да так крепко побил, что Владимиру Святославовичу, князю киевскому, и вовсе в Хазарию идти пришлось, дабы ворага найти. Так и не стало боле хазарского разора на Руси, как князь Черный и пожелал.

– Пару лет назад у Мурома я с ратью хазарской повстречался. Не один, естественно, с дружиной тамошней. Потоптали, само собой, поганых. Однако же была рать – тысячи три, наверное.

– Разве же то рать для Хазарии старой? – усмехнулся волхв. – То охрана была у крепостиц порубежных, то рать с купцами по степи такая ходила. Разве рать это? Во времена каган-бека Манасия токмо при гареме его, молва донесла, больше стражи имелось. А вся рать, когда в путь уходила, так головной дозор уж на ночлег вставал, а последние скотники еще из старого лагеря выйти не успевали. А ты, ведун, никак в Муроме бывал?

– Занесло пару лет назад.

– Правду ли сказывают, князь тамошний веру византийскую принял, богу распятому поклоняется?

– Есть такое дело, – признал Середин.

– Стало быть, и вовсе скоро край нам придет... – чуть не простонал Радша. – Он ведь, сказывали, повелел святилище отчее снести?

– Не слышал, врать не стану.

– Путник о том ныне сказывал, по зимнику в Киев шел. Дескать, по весне князь богов в реку повелел кинуть, дабыплыли к тем, кому надобны. Не поверил я тогда, но коли и ты о том же молвишь.

– Я такого не слышал! – повторил Олег.

– Коли князь от богов отчих отрекся, то мог и такое повелеть...

– До Мурома отсюда... – попытался прикинуть Середин, но не смог определить даже примерно. – В общем, далеко-вато. Княжеская блажь не дойдет.

– Как же не дойдет, коли волхв Вельмесь из муромского святилища будет, и волей богов муромских сокровища княжеские запирает! Не было тогда окрест иных святилищ. И градусов иных – тоже. Коли боги рухнут, коли покинут землю русскую, то и заклятия Вельмесовы пасть могут! Ринется тогда нежить, в нави за рекой огненной запертая, на наши веси, вовсе с нею сладу не станет.

– Зачем сразу о плохом думать? Может, наоборот: сгинет река с мостом Калиновым на седьмое небо. Глядишь, и вздохнете спокойно, и нечисть всякая утихомирится.

– Ох, ведун, не пугай, – покачал головой Радша. – Коли

рухнут запоры чародейские, то ведь и путь к сокровищам княжеским откроется, устремятся к ним охотники со всех сторон. Кто делить, кто захватывать, кто отнимать. Добыча князя Черного велика зело. За нее, опасаясь, немалые рати тут всё окрест кровью зальют, порубят, посекут. Не минует и нас беда сия. От войны за воротами не запрешься. Разорят нашу Чернаву, ох, разорят. И ведь весна уже пришла ныне. Надобно дозорных к реке поставить. А ну, сюда идолы поплывут? Нужны они мне, ох, как нужны!

– Мне кажется, ваша деревня заметно ниже по течению стоит, – тихо отметил ведун. – И немного на другой реке...

– По воле богов и реки вспять текут, и русла вмиг перекраиваются! – резко поднялся волхв. – Не тебе судить об их чаяньях. Ты спи, тебе нужны силы...

Радша решительно ткнул указательным пальцем Середину чуть не в переносицу, и тот ощутил, как послушно закрылись глаза, из-за внезапной слабости упала на шкуру голова, а всему телу сделалось тепло и приятно.

Рязань

Место для стольного города, сердца Рязанского княжества,⁴ выбрали сами боги, отрезав двумя оврагами от высокого берега Оки высокий ломоть земли шириной в полкилометра, а в длину и вовсе без размера. Всё, что оставалось сделать людям – так это возвести над обрывистыми склонами рубленые стены да прорыть между оврагами ров, окончательно превратив свой город в неприступный остров, соединенный с большой землей тремя мостами и четырьмя воротами. Четвертые ворота выходили на реку, к многочисленным причалам.

Только увидев город воочию, можно было понять, как решалось здешнее княжество спорить величию с самим Киевом. Размерами Рязань Киеву, а уж тем более Новгороду, уступала – хотя ненамного. Стен каменных не имела, зато предполье – обширные посадки, застроенные сараями, мастерскими и немудреными, часто без печных труб, избенками, распаханное под огороды или цветущие садами, – было не только обнесено добротным тыном, но и прикрыто с внешней стороны высокими башнями, на которых дежурили настоящие дружинники, в кольчугах и шлемах, а не обычные ополченцы по очереди в круг. Если Киев, что стоит на впа-

---

⁴ Следует помнить, что современная Рязань – это тогдашний Переяславль-Рязанский, отстоявший от Рязани примерно на 60 километров выше по течению.

дающем в Черное море Днепре, больше ориентировался в торговле на Византию и Европу, куда тяжело груженные ладьи везли хлеб, мечи, колокола, льняные ткани, пеньку, сало, получая взамен стеклянный бисер, вино, изящную посуду, вырезанную из цветных камней, и опять же льняные ткани – но уже выделанные египетскими мастерами, способными превратить грубые волокна в легчайшие платки, то Ока несла свои воды к Волге, еще именуемой Итилем, и дальше – к полусказочной Персии, откуда на Русь везли ковры, шелк, хлопок, пряности, самоцветы, медные узкогорлые кувшины. На востоке хватало своих мастеров, поэтому мечами они не очень интересовались и даже сами привозили диковинные сабли и мечи, гнущиеся, точно ивовый прут. Зато, как ни странно, на жарком юге высоко ценились меха. Еще там с радостью покупали говяжий жир, пеньку, воск, жемчуг. Именно в Рязани, откуда торговые суда плыли через бескрайние поволжские степи, ведун и рассчитывал если не с выгодой, то хотя бы быстро продать свою добычу. Здешние купцы всё ж таки знали, что такое юрта и кому ее продавать.

– Я уж думал, опять заблудился, – натянул вожжи ведун перед гостеприимно распахнутыми воротами, в которые и поворачивала утоптанная грунтовка. – Надеюсь, это Рязань, а не Царьград? А то больно долго еду.

– Ништо, мимо нас не промахнешься, – рассмеялся шутке дружинник, по подбородку которого шел широкий розовый шрам, разрывающий бороду на два неравных клочка. Дорога

была пустынна, поэтому подгонять путника воин не стал. – Коли на торг собрался, мил человек, то припозднился ты ныне. Вечереет, закроется он вскорости.

– На торг-то на торг, – признался ведун, – да только товар у меня большой и тяжелый. Опасаюсь, за один раз не продать. А коли в город да обратно кататься, да каждый раз там-гу на воротах платить – так и не окупится товар, как мыслишь?

– Это верно, – признал стражник. – Перед городом за каждую повозку с тебя по деньге спросят. Это токмо пеших путников князь дозволил без мыта пропускать.

– Спасибо на добром слове, – кивнул Середин. – Тогда я, пожалуй, повозки где-нибудь оставлю да сперва так схожу, поинтересуюсь, кому мое добро приглянется. Тут постоянный двор есть хороший?

– Божибор Клыкастый добрый двор держит. Большой, и хозяйка ладно стряпает. Скажешь, я послал, он тебе и светелку почище отведет, и скидку сделает. Ветенегом меня кличут, он знает. Прямо езжай, пока крону яблони не увидишь, что над дорогой свисает. Скривилась она за год отчего-то, того и гляди свалится. За яблоней зараз поворачивай, да смело вперед поезжай. Как в тын упруешься, по правую руку и двор будет.

– Спасибо за совет, Ветенег. Так и сделаю, – тряхнул вожжами Олег. – По-ошла, хорошая моя, сегодня под крышей спать будешь. Коли Макошь смилуется, завтра под седлом

дальше поскачешь. Отмучились!

За время дороги от Чернавы до стольного города ведун успел проклясть всё на свете и заречься от летних поездов по лесным трактам. Мало того, что три сотни верст, каковые верхом он одолевал дня за три, на телегах пришлось вымучивать десять суток, мало того, что за всё время он ни одной деревни не встретил, ни разу в баньке не попарился, пивка не попил, на печи не погрелся, так ведь еще раз двадцать всякие протоки вброд переходить пришлось по пояс в воде ледяной! Не-ет, путешествовать по Руси можно только в ладье, и никак иначе. Разве только в седле.

Единственное, что получилось у него на ум – так это с Даромилой проститься. Похвалил ее, поклялся, что краше девок не встречал и что сердце вот-вот порвется, – да вот только при ремесле его, дескать, жен не берут. В любой миг за Калинов мост можно уйти, к Маре в вечное царствие. Вот, и в Чернаве чуть не сгинул от клыка нежити неожиданной. Даромила всплакнула, но сцен устраивать не стала, только платочком помахала вслед.

– Ладно, коли Среча поиграть захочет, то, может, еще и свидимся, – тряхнул головой Олег, отгоняя грустные воспоминания, и натянул вожжи: – Тпру, красавица моя единственная! Кажись, приехали.

Середин спрыгнул с облучка, вошел в приоткрытые ворота, повел носом, уловив соблазнительный запах жаркого. Под навесом слева, подпирая друг друга лоснящимися боками,

фыркали лошади, справа возмущенно хрюкал кабанчик, кого волокли за задние ноги на заклание.

«Кого-то скоро свеженькой свининкой побалуют», – мысленно отметил Олег, поднимаясь на крыльцо и толкая дверь.

В горнице плавали клубы пара, словно ведун попал не в трапезную, а в баню, рубашка моментально стала влажной. Краем глаза Середин отметил, что большинство здешних постояльцев – крепкие мужики, частью в рубахах или косоворотках, но многие и в поддоспешниках. Ну, а уж широкие пояса с мечами имеются просто у каждого. Не иначе, князь рязанский дружину для дела какого скликает... Хотя, коли это люди ратные, званые, то почему на постоялом дворе, в посадах сидят, а не в детинце, на дворе княжеском? Странно.

Из подпола поднялся, тяжело дыша, упитанный, если не сказать крепче, хозяин. Из приоткрытого рта его выглядывали несколько торчащих во все стороны неправильно выросших зубов, создавая впечатление клыкастой крокодильей пасти – трудно не догадаться, откуда у владельца корчмы такое прозвище.

– День добрый, хозяин. – Олег подошел к обширному столу в углу горницы, на который Божибор выставлял толсто-стенные кувшины с одной, но прочной ручкой. – Не приютишь путника?

– Коли платить есть чем, садись, покормлю, – предложил через плечо Клыкастый. – А коли ночлега ищешь, то у меня на дворе все углы распроданы. Нету места боле, хоть за спа-

сибо, хоть за золото. Нету мест.

– Как это нет? – За годы скитаний по Руси такое ведун слышал впервые. – Мне светелку на одного, да коней к яслям поставить.

– Какая светелка! – нехорошо засмеялся Божибор. – У меня аж на сеновале, и то все углы раскупили. Токмо пиво носить успевай.

– На сеновале? – Олег повернулся к забитой людьми горнице, обвел ее взглядом. Похоже, хозяин сказывал чистую правду. Этакую толпу на ночлег уложить – места изрядно понадобится. А ведь в трапезной наверняка не все собрались – день на дворе. – Ты тут что, рать в поход собираешь? Хазарию воевать намерен, али к булгарам пойдешь?

– Не княжеские люди... – чуть понизил голос хозяин. – И не к князю, и супротив него ништо не молвят. Токмо пиво переводят, да дожидают чегой-то. Вроде приплыть кто по реке должен.

– Ну, что хмельного меда не жалеют, тебе ведь только с руки, – усмехнулся Середин. – А что места нет... Ну, тогда сказывай, где еще у вас постоянные дворы имеются?

– Э-эх, мил человек, – развернулся и присел на край стола Божибор. – Дворов-то в Рязани много, да токмо нонеча полны все отчего-то. Разве в самом городе светелку да ясли свободные выискать можно. Да токмо дорого там. За въезд в стены плати, за подход с уважением тоже лишка спрашивают. Али по домам к хозяевам можно спроситься.

– Ну, коли двory битком забиты, то и у хозяев, вестимо, лишнего угла не найдется, спрашивальщики и до меня нашлись... – задумчиво почесал нос ведун. – Чего это у вас нынче творится, Божибор? Ужель не ведаешь? Откуда толпа нежданная набежала?

– Ну, положим, толпа не так уж и велика, – решил поспорить хозяин. – Мы ведь и так по весне с пустыми горницами не стоим. Кто приплывает, кто отчаливает... Ну, три-четыре светелки обычно гостей дожидаются. Ныне на эти светелки два десятка мужиков набежало. Дворов постоянных в Рязани полста, може чуть боле. Коли на всех избыток раскидать, так всего десять сотен лишних гостей получится. У князя дружина в сорок раз боле будет, не считая бояр окрестных.

– Если на дворах у кого еще люди остановились... – попытался прикинуть Середин. – Пожалуй, и вправду тысячи полторы, самое большее, приезжих добавилось. Для Рязани, понятное дело, погоды не сделают. А вот коли путнику на пару ночей кров нужен...

– Ты мне не намекивай, мил человек, – резко оторвался от стола хозяин. – Хоть убей, а нет у меня ни угла свободного!

– Тогда совет хороший дай! У кого еще совета в Рязани спрашивать, как не у местного?

– Не ведаю, – мотнул головой Божибор.

– А ты подумай. Может, чего в голову и придет?

– Не ведаю, – опять повторил Клыкастый. – Разве токмо...

– Ну? – приободрил запнувшегося хозяина Середин.

– Разве Весяка Баюн... У него завсегда пусто. Кто не ведает, ночует, да только сбегает зараз, порой и среди ночи бежит. Сказывают, баечник у него завелся хитрый. Раз пять извести его Весяка пытался, волхвов звал, ведьм муромских привозил: не уходит баечник. От чародеев прячется, а гостей каженную ночь изводит. Серебра Весяка мало просит, от и соблазняются гости. Зачастую и знают про баечника-то, ан всё едино ночуют. Пробуют. Мыслят – обойдется. Плата-то малая, от и жадятся.

– Так бы сразу и говорил, – рассмеялся ведун. – Я тоже до серебра своего жадный. Давай, признавайся, где баечник ваш обитает?

Двор Весяки стоял в самом углу посада, прижимаясь к тыну на стыке Оки и Городенского оврага. Выглядел он вполне опрятно, и не скажешь, что нечистью заражен. Крест, впрочем, и на сараи, и на хлев, и на сам дом отреагировал вполне спокойно, не нагревшись ни на градус, и уколол запястье, только когда мимо Олега пробежал с полным ведром помоев мальчишка в меховой безрукавке на голое тело. Ведун проводил пацаненка взглядом, но делать пока ничего не стал, а вошел в дом.

Внутри тоже было опрятно: чистый пол, выскобленные стены, ветки можжевельника под притолокой и над окнами с распахнутыми ставнями. Два длинных стола тянулись вдоль горницы от окна в одной стене и до завешенного полом прохода в другой. Светелки, как обычно, находились на

втором этаже, куда вела лестница прямо от входной двери. Посетителей здесь тоже хватало – хотя и не так много, как у Божибора. Впрочем, конечно, зайти перекусить – это не ночь рядом с нежитью провести. Особенно, коли у хозяина и вправду цены ниже, нежели у соседей.

– Ау, кто тут за главного?! – прямо от дверей позвал Олег. – Верно ли сказывают, что тут на пару дней крышу и постель получить можно?

Мужики, что хлебали ложками щи или обгладывали куриные косточки, дружно повернули к нему головы, и на некоторых лицах появились глумливые усмешки. Однако предупредить гостя о возможной опасности никто не стал – почти сразу все обратились к прерванной трапезе.

– Коли задаток дашь, так и можно, – тихо ответил из-за спины щуплый мужичок с куцей рыжей бородкой, придерживающий в руках корзинку с куриными яйцами. – Деньгу за светелку с лежаком и простыней чистой, деньгу за еду и овес для лошадей. Твои телеги?

– Мои... – Середин мысленно прикинул, что за постой в городе с переполненными дворами хозяин мог загнуть больше раза в четыре, и полез в карман. – Ты мне свининки кусок хорошей запеки, и щей или борща горячего налей. А то обрыдла каша за дорогу. И яичницу сделай. Ну, и медку хмельного отлей, само собой.

– И борщ найдется, и кабана как раз подворник разделяет. Токмо чего две монеты даешь? За два ночлега четыре

выходит.

– Ты же задаток просил, хозяин. Как съезжать стану, так и рассчитаемся.

– А ну, как ты середь ночи сбежишь? – скривился мужичок. – А простыню перемени, светелку подмети, прибери... За светелку еще монету кинь, с остальным опосля разберемся.

– Как скажешь. – Сделав вид, что не замечает смешки мужиков, Олег полез в карман кобухи. – Только и ты сначала комнату покажи. Может, в ней и жить-то нельзя прилично-му человеку.

– Обижаешь, гость дорогой... – поставил корзинку на стол Весяка. – Пойдем.

На втором этаже хозяин распахнул первую же дверь, пропустил Олега вперед. Следовало признать, что выглядела комната так же опрятно, как и трапезная внизу: выскобленная до белизны, с небольшим прибитым к стене у окна столиком и двумя табуретами под ним, с массивным сундуком напротив высокого топчана. Олег попробовал мягкость тюфяка на лежаке, распахнул затянутые промасленной тряпичей створки окна – оно, оказывается, выходило на реку, – стукнул кулаком по столу, поднял крышку сундука.

– Коли купцы надолго приезжают, рухлядь свою складывают, – пояснил мужичок. – Ну, а коли что ценное есть, то и запереть можно. Токмо я замка не даю, дабы не заподозрили в чем. Своим запирают. А отхожее место в самом конце по

проходу. Не рядом, вестимо, зато и запаха нет.

– Пошли кого-нибудь сумки принести с повозок, – отдал обещанную монету Середин. – Нечего им в сырости там валяться. И коней, само собой, пусть распрягут, овса им насыпят. Замаялись они у меня.

– Снедать вниз пойдешь, али сюда велеть принести? – сжал Всяка кулак с серебром.

– Сюда, – кивнул ведун. – Поем, да сразу и завалюсь. Давненько я в постели не спал.

Тем не менее, до топчана он добрался только за полночь. Уж очень приятно оказалось сидеть перед распахнутым окном с кувшином меда в руке, вдыхать влажный свежий воздух, смотреть сперва на плавно текущие воды, по которым время от времени бесшумно скользили лодки рыбаков или степенно проползали пузатые ладьи, а потом – на желтую полосу отраженного от луны света, что дробилась и плясала на волнах, на сам огромный диск с пятнами морей, складывающимися в уродливую подслеповатую рожу, на застывшие в бархатной черноте яркие блески звезд, среди которых то и дело мелькали искорки падающих метеоритов. Эх, до чего прекрасна летняя ночь, когда тепло еще не успело накопиться на грешной земле, а потому над ней не выются тучи комаров и стаи вездесущих зеленых мух.

Олег очнулся от созерцания только услышав возле дверей тоскливый протяжный стон и тихое поскрябывание, словно когтями по двери. Потом створка несколько раз дернулась,

звук царапанья стал подниматься на уровень потолка.

– Кому не спится в ночь глухую? – зевнув, поинтересовался Середин, и в ответ тут же послышалось злобное хихиканье, звяканье ножей.

Ведун тяжело вздохнул, допил остатки меда и потянулся к брошенному на стол ремню – там, в поясной сумке, лежали рассортированные по березовым туескам и тряпочным сверткам его снадобья и порошки. Баечник, как известно, при всей своей злобности, вреда человеку причинить не может, только пугает. Но кому понравится, когда всю ночь то дергают за одеяло, то царапают по телу мягкими коготками, то вдруг подбрасывают на подушку ядовитую змею или щелкают над головой крокодильей пастью? И поди разбери спросонок – что настоящее, а что нет?

Отсыпав защитную черту, Олег разделся донага – как давно он просто не раздевался! Откинул край хозяйского одеяла – ватное, толстое. Аккуратно пробрался под него, чувствуя всем телом прикосновение чистой прохладной ткани.

От двери послышалось зловещее шипение, снизу в темную щель влезла длинная пятнистая гадюка, подняла голову, кратко выстрелив раздвоенным язычком, быстро извиваясь ринулась к постели и... Ударилась в черту из заговоренной соли с перцем и полынью. Съежилась, забавно чихнула – прямо как настоящая, и пропала. Вместо нее возле черты оказался невысокий, по колено человеку, одетый в рогожку старичок с седой бородкой, короткими ручками и неесте-

ственно вывернутой правой ногой. Глядя в сторону лежака, баечник по-собачьи взвыл – но получилось это у него как-то неуверенно, без азарта. Середин в ответ молча показал фигу, с головой накрылся одеялом и отвернулся к стене.

* * *

Улегшись поздно, ведун и проспал, естественно, чуть не до полудня. И лишь когда прямые солнечные лучи коснулись его лица, резко уселся на постели, тряхнул головой:

– От, электрическая сила! Этак опять торг закроется, пока я до него доберусь... – Олег начал было одеваться, но, натянув рубаху, принялся и недовольно сморщился: – Провонял я за эти дни, как пес бездомный.

Рубаху он всё-таки надел, опоясался, вышел к лестнице и быстро простучал пятками по ступенькам:

– Эй, хозяин! Баню вечером стопи! И шей вчерашних вели налить. После меда твоего кисленького хочется. Чего застыл? Бани, что ли, нет?

– Й-йесь... ть... – промямлил Весяка, застыв у входа на кухню с полотенцем в руках. – Есть... Вчерась топили...

– Вода там теплая осталась? Я тогда сбегая, ополоснусь. А ты мои порты и рубахи постирать забери, я чистое надену. И скажи, три яйца мне пусть сварят. Соскучился я по этому угощению. Ты меня слышишь, хозяин?

До Олега запоздало стало доходить, отчего Весяка и

немногочисленные посетители его трапезной смотрят на постояльца, как на вышедшую из болота нежить. Ведун усмехнулся, подошел ближе и предложил:

– Хочешь, баечника твоего изведу?

– Не сможешь... – облизнув губы, пробормотал хозяин. – Многие брались, да не нашли.

– Как хочешь. Лично мне... – Середин презрительно цыкнул зубом. – Лично мне – без разницы.

Времени париться у ведуна, естественно, не было, но даже после простого обливания теплой водой и растирания тела с щелоком он почувствовал себя уже совсем другим человеком – свежим, отдохнувшим. В таком виде не стыдно и на людях показаться. Для полного шика вместо косяка он надел налатник, сунул кистень в рукав, прихватив ремешком чуть ниже локтя, чтобы не вывалился, пучком сена отер от пыли сапоги.

– Ну, теперь все девки мои, – выбросив сено, решил Олег. – Жалко, зеркала нет...

Для полного выпендрежа не хватало еще оседлать гнедую – но платить за пустое бахвальство вполне реальное серебро Середин не собирался, а потому отправился в город пешком, перейдя мост со стороны Городенского оврага.

Как и обещал Божибор, стража из четырех дружинников на одинокого путника внимания не обратила. Тем более что им в лапы попался обоз из пяти возков с солидными капустными кочанами. Хозяин клялся, что везет их князю в дети-

нец, но даже неопытный в местных хозяйственных вопросах Олег засомневался, что ключник здешнего правителя станет закупать капусту в таких количествах у кого-то чужого. Нешто своих припасов нет? Коли и взял чего по случаю – то наверняка немного, некий недостаток восполнить, заминку с подвозом али еще почему. А крестьянин надеется под эту марку и свой товар беспошлинно провезти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.